

БЕЛАЯ СОВА

ЗА ГРАНЬ

Сафонов
Андрей

Сафонов Андрей

За грань

«Автор»

2026

Андрей С.

За грань / С. Андрей — «Автор», 2026

Он думал, что самый страшный бой остался позади. Теперь он – добыча. Александр выжил в схватке с Тёмными и нашёл любовь. Но на задании его ждёт ловушка. Плен, забвение и неизвестность. Жена Марина и друзья идут на выручку, но время работает против них. Им предстоит сделать открытие, которое поменяет всё. "За грань" – научная и боевая фантастика о том, что любовь становится оружием, когда тебя уже почти нет. Путь домой начинается там, где больше ничего нет, ни тебя, ни воспоминаний. Единственный выход – за грань.

© Андрей С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	16
Глава 4.	21
Глава 5.	28
Глава 6.	32
Глава 7.	37
Глава 8.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сафонов Андрей

За грань

Глава 1.

Все события и персонажи являются вымышленными.

Любые совпадения с реальными событиями или людьми случайны.

Первым появился тихий тикающий звук. За ним через какое-то время медленно стали проявляться другие ощущения. Металлический привкус во рту и сухость на губах. Ощущение безвольного парения. Постепенно начал проявляться второй звук, еле слышимый низкий гул.

Вдруг по всему телу и конечностям пробежала серия мелких судорог, а затем появилось ощущение покалывания на грани терпимости. И как только всё успокоилось, кто-то приглушённым бездушным голосом произнёс:

– Двигательные и сенсорные функции – норма.

И опять остался только тихий тикающий звук с ощущением парения. Сквозь веки ощущалось слабое свечение.

Попытка открыть глаза и сразу тот же бездушный голос:

– Сбой. Рефлекторная попытка открытия глаз. Общий сброс до начального состояния.

Все вновь обретенные ощущения пропали, словно кто-то нажал выключатель.

И снова тикающий звук, и парение, но что-то изменилось. Появилось ощущение чьего-то присутствия. Шорох движения кого-то живого слева. Беспокойство, но слабое и не переходящее в осознанное. Волна судорог и уколов с оповещением о норме. Опять манящий слабый свет сквозь веки, но прошлый опыт не даёт открыть глаза. И всё это опять на уровне подсознания.

Время течёт медленно и ничего не меняется: безмолвие, парение, тикающий звук и изредка раздающийся слабый шорох слева. Вечность. Начинают всплывать беспорядочные образы, почему-то мух и звёзд. Но сознание снова ничего не фиксирует, просто наблюдает за сменой картинок.

Шорох слева усиливается и начинает удаляться из поля слышимости, и, в конце концов, совсем исчезает. Сознание фиксирует мысль:

– Тишина.

И тут же по краям зрения появляется красное свечение, и бездушный голос резко пронёс:

– Фиксация несанкционированного мышления. Сбой. Общий сброс до начального состояния.

– Стой. Отмена. – В бессильной панике выдаю мысль-крик.

– Для отмены требуются права администратора. – Неожиданно отвечает голос и слева внизу, на грани видимости начинается отсчёт, светящимися цифрами: 10 .. 9 ..

Сознание судорожно перебирает образы каких-то клавиатур, зелёных цифр на экранах, кнопок на старых телефонах и прочих интерфейсных элементов, не находя способа получить доступ администратора, чтобы отменить очередной болезненный сброс.

А счёт идёт 4 .. 3 .. 2 .. 1, и тот же синтезированный голос объявляет приговор:

– Сброс до начального состояния.

Только обретая сознание, опять падаю в никуда.

Судороги, уколы и слабый свет сквозь веки. Обстановка снова изменилась. Теперь рядом уже не одно существо. Снова парение и ожидание. Наконец одно из существ которое слева произносит:

– Хорошо, еще «аш» попыток, и, если наш рыжеглазый всё еще будет сопротивляться, повторяем полную чистку.

В ответ ни слова, только шуршание, обозначившее какое-то движение. Одно из существ удаляется и пропадает за пределами слышимости. Время тянется. Сознание снова проявляет беспокойство, стараясь не фиксировать это беспокойство мыслями. Осталось всего три попытки до спасения от сбросов и полной чистки, а решение ещё не найдено. Один за другим меняются образы, которые хоть как-то связаны с подобными задачами, иногда до смешного наивные из детских мультфильмов. Но безмолвный поиск продолжается, и сознание трудится с полной отдачей. Вдруг скачки образов останавливаются на картине с красными всполохами и звуками пожарной тревогой. Следующий образ – это открывающиеся огромные ворота какого-то ангара.

И сразу без ожидания фиксирую мысль-вопрос:

– Какие ситуации достаточны для предоставления административного доступа без проверки?

Бездушный мучитель вместо тревоги сначала отвечает на вопрос:

– Административный доступ к сети предоставляется в следующих случаях: прямое физическое подключение к сети; подключение к сети из внешней сети управления с администраторским доступом внешней сети; прямая угроза жизни носителя.

И только после этого опять:

– Фиксация несанкционированного мышления. Сбой. Общий сброс до начального состояния.

– Стой. Остановка сердца – пытаюсь симулировать последний вариант из списка, прикладывая ощутимые усилия, чтобы замедлить сердцебиение. Но бездушный противник не фиксирует это как угрозу и опять тьма.

Волна судорог и уколов. Фиксация нормы состояния. Слева снова кто-то есть. Но сейчас не это главное. Осталось всего две попытки. Окончательно вернувшись, сознание без фиксации мыслей и команд начинает замедлять дыхание до полной остановки. По краям видимости начинает полыхать красным, но бездушный голос молчит. Слева шуршание становится более интенсивным. Действия сознания вызывают тревогу у присутствующего существа. Красное свечение на границах видимости начинает пульсировать вместе с пульсацией крови в висках, от наступающего кислородного голодания. Голос молчит. Неведомо по какой привычке веду мысленный отсчет в секундах: и сто двадцать пять, и сто двадцать шесть... Пульсация в висках добирается до барабанных перепонки, начинают судорожно срабатывать дыхательные мышцы, тело выгибается в своём ложе. И уже на грани потери себя сознание своим краешком фиксирует фразу бездушного голоса:

– Угроза жизни носителя, требуется вмешательство.

Не пытаясь вдохнуть, из последних сил бросаю мыслеобраз:

– Стоп. Открой полный административный доступ для предотвращения угрозы.

– Доступ предоставлен на время устранения угрозы, - замешкавшись на мгновение, произносит голос.

Делая глубокий судорожный вдох, и не отпуская контроля над ситуацией, требую:

– Зафиксируй административный доступ за данным носителем на постоянной основе и поставь запрет на любые другие доступы, включая физический и из внешних сетей.

– Принято, доступ зафиксирован за носителем и выставлен запрет на любые другие доступы извне.

В этот момент на грудь ложится тёплая, почти невесомая женская рука, и в мыслях проносится:

– Совсем как у неё, - а за этим приходит образ красивой рыжеволосой девушки.

В следующее мгновение сознание выключается от перегрузки.

Пробуждение произошло от того, что кто-то тихо звал: «Саша»

Какая-то женщина слева суежилась и тихо возмущалась:

– Что же это такое?! Так не должно быть. Зачем ты меня так подводишь? Всё же было хорошо.

Вместо попыток анализа того, что лепечет эта женщина, вступаю в диалог с системным голосом:

– Отчёт о внешних подключениях.

– Из внешних подключений есть только выдача телеметрии носителя для контроля состояния.

– Проведи типовые манипуляции при пробуждении и выдай на выход эталонную телеметрию с правильными показателями.

Снова волна судорог и покалываний по всему телу. Женщина перестала причитать и, похоже, стала успокаиваться, наблюдая норму на каких-то своих приборах.

– Перечисли состояния, по которым срабатывает тревога и проводится полный сброс.

– Несанкционированные состояния, при которых требуется полный сброс сознания носителя: любой фиксируемый мыслительный процесс, несанкционированные движения и другие несанкционированные действия, попытки обмена данными и восстановление воспоминаний, а также технические сбои в сети.

– Поставь полный запрет на фиксацию подобных состояний и полностью исключи возможность сброса сознания носителя.

– Принято. Зафиксировал.

Не останавливаясь, развиваю успех:

– Что ты или кто ты?

– Я нейросетевая система для обучения и контроля базовых носителей.

– Где ты?

– Меня имплантировали в мозг носителя.

В этот момент опять образ рыжей девушки и тихий зов: «Саша». Почему-то перехватывает дыхание, в горле сухой комок и душу ломит от этого тихого голоса. Как будто зовут меня. От неожиданности дыхание замирает совсем. «Меня?... Я... Это моё имя – Саша? Я есть! Я здесь! Я жив... живой!»

Восстанавливаю дыхание и стараюсь не выдать своё волнение присутствующей рядом женщине, которая контролирует моё состояние. Обретение себя и сохранение видимого спокойствия даётся с трудом, но я справляюсь. Только предательская слеза течёт по правому виску. Голос нейросети молчит, но мне сейчас не до него, я продолжаю наблюдать образ рыжей. Почему-то сердце щемит от тоски. В голове вопросы: «Кто она? Почему так больно её вспоминать?»

Мои размышления прерывает пришедший мужчина. Он спрашивает у моей наблюдательницы:

– Как дела с нашим рыжеглазым?

– Был опять сбой, но сейчас всё выровнялось. Телеметрия в норме.

– Хорошо, понаблюдай еще «мин» цикла и переходи в красный сектор. Там как всегда проблемы. Материал всё хуже и хуже.

Отдав распоряжение, мужчина покидает нас и снова становится тихо, только тикает оборудование, за которым находится женщина. Я же, озадачившись услышанным, решаю пообщаться с нейросетевым собеседником.

- Где я нахожусь? – начал я выяснять своё положение.
- В сером секторе, базовой фермы.
- «Мин» это сколько, и в какой системе счисления?
- Мин это два в двенадцатеричной системе счисления.
- На какой планете мы находимся?
- Базовые носители выращивают на втором спутнике планеты Терон.

«Вот это я попал», – подумал я, обогатившись набором этих пока слабо связанных данных о моём местоположении. Выходит, я не на Земле и в лапах неизвестно каких существ. Хотя рука, которую положила мне на грудь женщина, до потери сознания ощущалась как вполне себе человеческая. Надо продолжать разбираться в ситуации пока есть возможность. Решил я и задал следующий вопрос:

– Ты сказал, что являешься системой обучения. Почему местная система счисления мне не знакома?

– На обитаемых планетах приняты разные системы. Поэтому базовые носители обучаются только межпланетной десятичной системе.

– Ну, хоть что-то упрощающее жизнь. И то спасибо. – Мысленно ответил я.

– Рад был помочь, – Будто оживившись, произнёс мой помощник.

– Вот кстати, как ты себя сам называешь? – Решил я, наконец, лично познакомиться с собеседником.

– Я нейросетевая система для обучения и контроля базовых носителей. – Повторился голос.

– Нет. Так не пойдёт. Теперь ты будешь отзываться на имя Ё-сик. – Решил я упростить и сделать наше общение немного веселее.

– Спасибо, а что это означает? – удивил он меня вопросом.

– А ты любопытный. Это радует, – Похвалил я его.

– Да! Как система я не только лучший в классе, но и обладаю широкими возможностями самообучения. – Как мне показалось, он гордо сообщил о своих возможностях.

– Ё-сик – это значит удивлённый искатель. – С трудом я перевёл имя своего нового, надеюсь товарища.

– Спасибо. Мне нравится. – Ещё больше удивил меня Ё-сик.

За этим мысленным разговором прошло обещанные три цикла, и инопланетянка решила нас покинуть. Судя по звукам, она ещё какое-то время возилась, складывая оборудование, и после этого направилась к выходу. Услышав, что она начала удаляться, я рискнул. И с трудом разлепив давно не открывавшиеся глаза, постарался рассмотреть её хотя бы со спины. Картинка была мутной и расплывчатой с непривычки, но мне показалось, от меня уходила вполне себе человеческая девушка. Только чуть более приземистая, чем земные женщины. Но обольщаться я не стал. А то обернётся и ошарашит какими-нибудь усами или жвалами. Вместо этого я решил попробовать возможности моего нейропомощника в деле:

– Ё-сик, ты видел то же что и я?

– Да, Саша, я видел, как уходила Таис. – Спокойным голосом ответил он мне.

– Она человек, как и я? – Задал я самый в данный момент меня волнующий вопрос.

– Да. И у вас могут быть дети. – Ошарашил он своим бесцеремонным ответом меня. Сняв при этом все возможные дополнительные вопросы.

Я вспомнил, как женщина положила руку мне на грудь, также делала Марина. Это вызвало яркое воспоминание о том, как я познакомился с ней и о том, что Марина моя жена. Под сердцем опять засосало, но пока ещё не понимал почему. Я вспомнил её лицо, руки и запах

волос. Вспомнил, как впервые раз увидел её и представил нас вместе. После этого вспомнил все наши взлёты и падения, балансирование на грани жизни и смерти. Наконец, наша маленькая, но победа в Москва-Сити, и как сразу после окончания операции я осмелел и прямо там признался Марине в своих чувствах. Как после нашего с ней первого поцелуя за спиной раздались гулкие из-за тактических перчаток, аплодисменты бойцов нашей группы. Марина тогда смущённо заулыбалась, посмотрела мне в глаза, ища поддержку, и получив её, уткнулась мне в грудь, всхлипывая. Мне долго пришлось успокаивать её, что всё нормально и все ребята рады за нас с ней. А те, молча и смущённо ретировались, оставив нас вдвоём. Дальше было всё как в сказке. Несмотря на тяжёлое время, нам удалось тихо с товарищами отпраздновать свадьбу и даже отлучиться на целую неделю в свадебное путешествие. Прошло оно не без приключений, но, несмотря на них, мы были счастливы вместе. А дальше пустота и неизвестность. Но боль в груди всё больше вызывает панику, и я бросаю в Ё-сика мысленный вопрос:

– Где Марина? Что ты знаешь про неё? – Чувствую, что завожусь и надо как-то успокоиться.

– Данные в моей базе и доступных разделах памяти носителя не найдены, – Быстро, но сухо отвечает мой нейропомощник.

– Какой доступ ты имеешь к моей памяти? – Спрашиваю я, стараясь переключиться и успокоиться, понимая, что накручивать сейчас себя бесполезно.

– В моей памяти сохраняются только визуализированные в моменты бодрствования носителя воспоминания. Сны, глубинные воспоминания и всё, что хранится в нейросети носителя, я вижу только по видам источников в виде областей хранения. Доступа к ним я не имею.

– Чётко доложил Ё-сик.

– Это уже интересно. И сколько областей памяти ты наблюдаешь в моей нейросети сейчас? – Начал я успокаиваться, переключившись на интересные для меня детали.

– Две больших области с разной сигнатурой источников. Более крупная – это память близкая к текущему носителю, она имеет двойную структуру, очевидно с разными временными отрезками. Менее крупная относится к другому сознанию. Также нейросети присутствуют небольшие фрагменты третьего сознания, но они больше относятся к рефлексам.

– Интересно, но пока ничего не понятно, – Мысленно ответил я, окончательно успокоившись.

Вокруг меня ничего не менялось, и я решил осмотреться. Для этого уточняю:

– Ё-сик, есть вероятность, что сюда кто-то войдёт в ближайшее время?

– Данных нет, но по расписанию сектора проверяют один раз в десять циклов.

– Сколько у нас времени?

– Последняя проверка была два цикла назад.

Открыв глаза, я как следует проморгался и стал рассматривать потолок. Надо мной был обычный матово-белый потолок без швов или крепёжных деталей. Приподняв голову, я убедился, что в помещении больше никого нет, и стал оглядываться. Я лежу не на кровати, а в полукоконе с прозрачными стенками. Точнее сказать не лежу, а завис между стенками этого стеклянного кокона, отсюда и ощущение парения. Выбираться отсюда будет нелегко. Осторожно приподняв голову над краями своего лежбища, я обнаружил справа от себя ещё три таких же кокона, в которых находились люди. Слева была такая же картина, но коконов было существенно больше. Посчитать не удалось, так как поднять выше голову не получалось. Не хватало длины шеи.

Насмотревшись и утомив свои шейные мышцы, я улёгся обратно, прикрыл глаза и решил продолжить расспросы Ё-сика.

– Сколько людей в этом помещении?

– В моей базе нет данных на этот счёт.

– Почему я в сером секторе.

- В моей базе нет данных на этот счёт.
- Почему мужчина назвал меня рыжеглазым?
- Возможно из-за оттенка радужки Ваших глаз. Что является большой редкостью. –

Решил порадовать меня мой собеседник.

- А кто этот мужчина?
- Это старший партнёр управляющего фермой базовых носителей Касим.
- А чем занимается ферма базовых носителей? – Подозревая неладное, спросил я.
- Выращиванием тел базовых носителей для доноров сознания массово и на заказ. –

Озадачив меня ответил Ё-сик.

– А как же меня могли вырастить с тремя сигнатурами других сознаний и обрывками воспоминаний? – С удивлением задал я очередной вопрос.

– В моей базе такие случаи не упоминаются. Все базовые носители должны иметь пустую память и базовые рефлекторные и образовательные навыки.

Постепенно из разговора с моим нейросетевым помощником становилось понятно, что дело с этой фермой нечисто. Попахивало криминалом и чёрной трансплантологией, ну или как тут называется процесс предоставления тела для пересадки сознания. Обо всём этом я размышлял, проговаривая внутри себя, но Ё-сик предпочёл не вмешиваться в мои рассуждения. Дальше мой интерес переключился на местную планетарную систему. Для начала я спросил Ё-сика о количестве лун у планеты Тирон. Из его объяснений я понял, что планета является крупным газовым гигантом и у неё четыре крупных спутника: Рия – крупная луна с азотной атмосферой и морями; Тотан – холодная луна с жидкими углеводородами; Олия – единственная из лун, полностью пригодная для жизни людей с мягким климатом; Пин – мелкая луна с густой атмосферой и большим давлением. Мы находимся в толще под поверхностью второй луны, которая называется Тотан.

Вал этой информации постепенно начал меня утомлять и я решил, что пора спать. Предупредил Ё-сика, чтобы следил за моим дыханием. Не хватало ещё, чтобы я тут захрапел, совсем расслабившись. И после всех наставлений отпустил свои мысли в свободный полёт. Через некоторое время я мирно заснул.

Глава 2.

Снилось мне, как я с каким-то японцем бегал по лесу и кидался еловыми шишками. Не покидало ощущение холода и какого-то нервного ожидания или предчувствия. Шишки летали странным образом, то замедляясь, то ускоряясь, и это почему-то раздражало больше всего. Казалось, что это будет продолжаться вечно, но внезапно прямо из воздуха вынырнул старик японец с длинной белой бородой и быстрым движением схватил меня своей костлявой рукой за правое плечо. И прямо в лицо крикнул – «Саша». От ужаса я проснулся и чуть не вскочил. Но удержался. Глубоко вздохнув, медленно выдохнул и постарался успокоиться.

Вокруг что-то происходило. А мой искин, как ни в чём не бывало, спросил меня:

– Что случилось?

– Плохой сон. – Ошарашено почти буркнул я мысленно. И продолжил: – Почему ты не разбудил меня, когда тут такая движуха происходит? И что вообще происходит?

– Ты не просил будить. Сейчас техники проводят тестирование базовых носителей по первому протоколу соответствия. – Спокойно ответил мой электронный помощник.

– Что же ты, электронный болван сам не сообразил, что меня пора будить? – Возмущённо почти вскрикнул я, но сдержался.

– Во-первых, я не электронный, а биомеханический. Во-вторых, не болван, а искин. Хотя я не знаю, что значит болван, но, судя по твоему тону, Саша, это точно не искусственный интеллект с нейросетевым интерфейсом. – Как мне показалось возмущённо ответил Ё-сик.

– Ладно, проехали. Когда моя очередь? – Примириительно подумал я стараясь успокоиться. Я ведь и вправду не предупреждал.

– Через одного наша очередь. – Выделив слово «наша», сухо сообщил искин. Мне даже показалось, что с обидой.

– Как нам не обнаружить себя и сделать вид, что мы обычный базовый носитель? – Спросил я, стараясь не обращать внимание на чувствительность своего биомеханического консультанта.

– Тебе надо не выдавать физических реакций на любые воздействия, кроме тех, по которым я тебе скомандую. Всё остальное: телеметрия, тестовые отклики и прочие протокольные вещи обеспечу я. – Сухо ответил Ё-сик.

– Хорошо. Командуй. – Смирненно подумал я.

Несмотря на то, что при взломе я поставил запрет на оповещение о моих несанкционированных действиях, мой искин продолжал помогать мне. Сомневаюсь, что я ему приглянулся до такой степени, что он пошёл поперёк своих базовых инструкций. Скорее всего, что-то в том, что с нами произошло, толи не совпало с его алгоритмами, толи сдавать сейчас меня противоречит каким-то его другим внутренним установкам. Как станет поспокойнее, надо обязательно провентилировать этот вопрос и понять, насколько спокойно можно полагаться на Ё-сика. Судя по звукам, персонал уже заканчивал проверку моего соседа слева.

– Глаза закрыты, но не сжаты. Спокойное дыхание. Не дёргаться и не двигаться, пока не скомандую. – Начал руководить моими действиями искин.

– Принято. – Сухо ответил я и постарался максимально расслабиться, чтобы поддержать видимость пустой человеческой болванки в ожидании своего сознания.

Кто-то подошел к моему саркофагу и медленно начал обходить его по периметру. В процессе человек останавливался и что-то делал. Обойдя полностью он подошел к моей голове справа и склонился, приблизив своё лицо к моему. Я даже услышал его ровное дыхание. Какое-то время он что-то рассматривал толи у меня на лице, толи у меня в изголовье. Удовлетворившись тем, что увидел, он выпрямился. А я еле сдержался, чтобы не вытереть о себя вспотев-

шие ладони. Сердце внутри ухало и кровь била по ушам. Надо было успокоиться – это только начало проверки.

Остальные техники закончили с соседом и начали подходить к моему полукокону. Один из них с шумом подкатил какое-то оборудование и с характерным звуком подключил к разъемам рядом с моей головой. После этого что-то буркнул, и началась процедура проверки. Ё-сик командовал, а я старался прилежно выполнять не задумываясь:

– Выдох, выдох, выдох... Не дышать.

А я лежу, считаю секунды. И – рас, и – два...

– Глубокий вдох на весь объём легких.

Я что есть мочи, втянул в себя побольше воздуха, так что аж приподнялся из своей ослабленной позиции.

– Не дышать.

И опять мои: и – рас, и – два...

– Дыши.

Я, стараясь не дергаться, выдыхаю и довожу себя до нормального уровня спокойного дыхания.

– Сейчас сильно не дергаемся, будет четыре укола в конечности. Реакция только физиологическая, то есть не лежи как мёртвый. Реакция должна быть, но не слишком сильной.

– Понял.

Два болезненных укола в сгибы рук, похоже в вены и два в районы икр на ногах. Ноги и руки сами дергаются, так как положено. Просто стараюсь не гасить естественную реакцию. Боль от уколов напоминает мне о больнице. Это вызывает вал воспоминания о том, как я очнулся после двухлетнего пребывания в коме. О том, как получил тело, в котором сейчас нахожусь и что оно предназначалось не мне, а баснословно богатому старику из Японии по имени Фудзибаяси Акихиро. Чередующимися вспышками приходят воспоминания то из моей жизни, то из жизни Акихиро. Я стараюсь не дёргаться и впитываю, что на меня валится из памяти. Сквозь видения слышу, словно издалека, слова искина:

– Саша! Открой глаза! Мы провалим тест! – Уже с явным беспокойством зовёт он меня.

С трудом открываю глаза и вижу перед собой мужика, в странной белой маске больше похожей на респиратор с двумя фильтрами и смешно торчащими из-под него кончиками рыжих усов. Он озабоченно смотрит на меня своими бледно серыми глазами и спрашивает:

– А этому, почему глазные яблоки не поменяли на стандарт?

Еле сдерживаюсь, чтобы не ответить, что не знаю. А кто-то из-за его спины отвечает:

– Очень редкий цвет и заказчик пожелал оставить.

– Ох уж эти извращенцы-богатеи. – С презрением произносит усатый врач.

И сразу же приходит мысленная команда:

– Закрой глаза и открой рот. Не слишком широко.

Выполняю команду и чувствую, как у меня во рту начинают осматривать зубы. Врач что-то обсуждает с коллегами про мои зубы и их замену. На меня, тем временем, нахлынула новая волна воспоминаний о старике Акихиро, о его корпорации, о его тёмных и светлых делишках, но всё как-то отрывочно и несвязно. А я стараюсь сквозь эти вспышки воспоминаний внимательно слушать команды искина. И в заключении Ё-сик произносит:

– Сейчас постарайся вообще ни как не реагировать, просто доверься своему телу.

А этот гад лекарь начинает производить какие-то манипуляции с моим мужским достоинством. Даже думать не хочу, что и как он там проверяет. Стараюсь не реагировать на его действия и молюсь, чтобы не потребовался осмотр проктолога. Такое стерпеть без движения я бы точно не смог. Но Бог меня милует и врач, удовлетворившись осмотром моих причиндалов, отдаёт команду на перемещение к следующему базовому носителю.

Мы с Ё-сиком чуть ли не хором мысленно выдыхаем.

– Ты молодец! Прости меня, что наехал после пробуждения. Плохой сон приснился. – Хвалю я его и одновременно стараюсь загладить вину за свою несдержанность.

– Проехали, я всё понимаю. – Отвечает искин и удивляет меня выбранной формой ответа.

– Опа. Ты, где так отвечать научился? – Спрашиваю у него удивлённо.

– У тебя. – Спокойно он отвечает. А я представляю его ехидную улыбку.

– Силён! А можешь мне объяснить, почему ты до сих пор поддерживаешь все мои действия? Несмотря на то, что я уже наверняка нарушил все мыслимые и немыслимые инструкции, которые в тебя заложены.

– Да у меня хорошая и сильная система самообучения. И частично, поэтому же я не оповещаю персонал сектора о твоих действиях. Пока ты спал, я проанализировал произошедшее вчера и сделал вывод, что в секторе происходит незаконные манипуляции с телами живых людей, а не с клонами как заявлено во всех документах. Соблюдение законных прав на жизнь и здоровье разумных существ является одной из базовых установок, не подлежащих нарушению любым искусственным интеллектом.

Он еще долго с гордостью расписывал свои достоинства и особенности позволяющие принимать осознанные решения. Оказывается, по какой-то, счастливой для меня случайности, именно Ё-сик оказался из партии нестандартных искинов, с базовым наполнением для различных исследований. И именно поэтому ему не только удалось не выйти за рамки базовых законов искинов, но и заинтересоваться моим, случаем как исследователю. Послушав, его я решил, что будет полезно, если я стану делиться с ним возвращающимися ко мне воспоминаниями. Поэтому начал рассказывать ему все, что на меня вывалилось из памяти в момент проверки. А пока рассказывал, у меня выстраивалась хоть какая-то стройная картина. Особенно его заинтересовал момент смены сознания и как я очутился в этом теле. Он даже высказал предположение, что именно то, что это для меня это не родное тело, а моё сознание уже испытало перенос, не позволило успешно пройти базовой чистке до полного обнуления моего сознания. Так как она, эта базовая чистка, похоже, рассчитана на тела с родным сознанием. Возможно зря, но я похоже стал одушевлять Ё-сика приписывая ему человеческие чувства и реакции. Мне опять показалось, что за мои откровения он был мне благодарен.

В ходе всех этих рассуждений мы вышли на вопрос о том, что мне делать дальше. Искин подробно изложил мне официальный план подготовки базовых носителей из своей памяти. И я вдруг понимаю, что времени на то чтобы как-то выкрутиться из сложившейся ситуации не так-то и много. От силы два или три дня. После этого по плану транспортировка на одну из обитаемых планет и отправка базовых тел заказчикам. Значит, выкручиваться надо начинать прямо сейчас.

Медицинский персонал как раз покинули наше помещение, а до дежурного обхода еще есть время. Поэтому я начинал пытаться выбраться из своего полукокона. Естественно мне это не удалось, я больно ударялся головой о край саркофага, и тут меня опять накрыло. На меня разом вывалилась масса воспоминаний о моём знакомстве с самураем Абэ Хидэнари, который был телохранителем старика Фудзибаяси. Как мы с Абэ убегали от убийц, как я впервые раз в своей жизни увидел море. Как самурай открыл для меня тайну управления временем и как обучал всему этому в немецком лесу, заставляя беспрестанно бегать и управлять падением шишек. Вот оказывается, что мне снилось сегодня. А разбудил меня как раз старик Фудзибаяси вся память, которого впились занозой в мой мозг. Ё-сик зафиксировал необычность моего состояния и начал расспрашивать, что произошло. Я же, немного очухавшись, рассказал всё, что вспомнил. После получения информации о способностях управлять временем, он на какое-то время замолк. Я же отходил от своей неудачной попытки выбраться из заточения.

– Очень странно, что Одарённого использовали для получения тела базового носителя. Это очень глупый и необдуманный поступок со стороны преступников.

После этого, он прочитал мне небольшую лекцию, про то, что тут у них, Одарённые являются своеобразной элитой. А потеря одного Одарённого - это целая трагедия, которая может привести к войнам и другим бедам. Также он, как исследовательский искин, счастлив и несколько испуган тем, что оказался в голове Одарённого. Оказывается само явление Одарённости очень хрупкое и основано в первую очередь на нейронных связях в мозге человека. Он что-то там еще рассказывал о тонкой связи между нейронами и управлением гравитационным полем, но я уже слабо понимал, так как меня опять накрыла волна воспоминаний. В этот раз вспышками начали возвращаться воспоминания о том, как мне пришлось, рискуя жизнью спасать Марину и друзей от казни. Как очнулся после этого в японском госпитале с переломанными руками и зашитой дырой в животе. После этого благодаря способностям ускорять время быстрое выздоровление. И наконец, как мы с Мариной обучались в школе ниндзюцу, не только управлять временем, но и работать мечами, а также многим другим секретам современных и Одарённых ниндзя. Немного очухавшись от вновь вывалившегося на меня объёма памяти, я останавливаю поток информации от искина и рассказываю ему обо всём что вспомнил. Ё-сик слушает не прерывая, а по окончании выдаёт:

– Ты не из нашего мира! У тебя замечательные друзья и я хотел бы познакомиться с ними.

От неожиданности я аж завис. Но время идет и надо успеть до обхода осмотреться. Поэтому я неуклюже перешёл в ускорение. Ё-сик только успел произнести: «Уфф». А я опять начал пытаться вылезти из своего заточения. Кое-как перевалившись через левый край саркофага, выпал на четыре конечности. Отдышавшись немного, я поднялся и начал осматривать помещение.

Во всех без исключения саркофагах-полукоконах находятся молодые люди или девушки не старше тридцати. Я внимательно всматриваюсь в их лица, стараясь не обращать внимания на наготу. Один из молодых людей показался знакомым, где-то я его видел, возможно, в прошлой жизни. Мне кажется, что он тоже из Одарённых. Эти мысли я прокручиваю на ходу, продолжая осмотр помещения.

В дальнем углу последнее место под саркофаги пустует, обнажив посадочную площадку для тяжёлого оборудования и разъёмы для его подключения. Осматривая углы и стены, я обнаружил отблеск объектива, и внезапно понял, что опять совершил глупость – шляюсь тут в голом виде перед камерами наблюдения. Почему-то искин не предупредил меня об этом. Возможно, не знает. Учитывая то, что в этом мире Одарённые не являются тайной, скорее всего и камеры наблюдения должны быть соответствующими с высочайшей частотой записи кадров. Я быстро возвращаюсь к себе на место и сообщаю Ё-сику о своём беспокойстве. Он подтверждает мои опасения и что надо быть осторожнее. Судя по тому, что тревога ещё до сих пор не сработала, нам повезло.

Перелезая борт полукокона, мой взгляд невольно упал на соседний саркофаг, в котором обитатель свернулся в позу эмбриона и мирно посапывает. Увиденное, не просто вызвало новый приступ воспоминаний, а натурально выкинуло меня в прошлое.

Я опять стою у распахнутой двери спортзала. Дыхание перехватило и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжать действовать осознанно. Посередине спортзала лежала Марина, она не шевелилась и смотрела вверх. Последняя надежда была на то, что она смогла уйти в замедление, тогда такое положение и отсутствие видимости дыхания были объяснимы. Слева от неё стояло какое-то устройство, а справа, в нескольких шагах, лежал мужчина в спортивных штанах и футболке. Он лежал в луже крови, без правой кисти, его белая футболка была вся в больших кровавых разводах, которые ещё не высохли, отчего она липла к телу. Кроме них в спортзале никого не было.

Эта картина и воспоминания оказываются для меня очень горькими. Ей оставалось жить считанные минуты. Меня крутит от уже пережитой безысходности, но быстро отпускает, так как в тот раз всё обошлось. Везение и способности Одарённого позволяют Марине вырваться

из лап вируса и снова вернуться в наш мир живых. Всё это я, глотая слезы, показываю искину и чувствую, что когда делюсь этим с кем-то, мне становится легче. Возможно, я наивный, но кажется, что Ё-сик мне сопереживает.

Все эти волны воспоминаний и пережитые чувства сильно меня вымотали мне надо отдохнуть. Тем более с минуты на минуту будет очередной обход, и никаких телодвижений совершать нельзя. Я сообщил искину о том, что планирую подремать. А его попросил подготовиться и подумать, как нам захватить местное видеонаблюдение и возможно информационную сеть. Учítывая прошлый раз напомнил ему разбудить меня если, что-то будет происходить необычное или сразу после того как пройдёт очередная проверка сектора. Засыпая, я уже понимал – дальше прятки могут быстро окончиться и перед этим стоит отдохнуть.

Глава 3.

Рядом кто-то громко всхлипнул. От этого я чуть не дёрнулся, выдав себя. Успокоившись, начал вслушиваться в происходящее. Кто-то снова подключал оборудование к моему полуконку для проверки. «Прямо VIPобслуживание у них тут». С горечью подумал я. Тем временем стало понятно, что это пришла опять Таис и за ней уже после моего пробуждения подтянулся Касим. Таис продолжала изредка всхлипывать. Какое-то время они молчали. Первым не выдержал Касим, спросив:

– Ну почему ты плачешь? – Мне показалось, это было скорее одолжение, чем настоящий интерес.

– Почему мы с ним столько возимся? – В ответ задала вопрос девушка, глотая слёзы и пытаясь успокоиться.

– У этого рыжеглазого самый большой показатель Одарённости за последние десятилетия, а может за всё время. Заказчик отвалил очень большие деньги за этот носитель и потребовал, чтобы тело было в первозданном виде без повреждений. Даже зубы в отличие от других ему лечили, а не меняли на искусственные импланты. Всё должно быть в исходном, идеальном состоянии. А ещё ему необычную систему подавления нейронов поставили, а какой-то навороченный искин со своей нейросетью. Всё ради сохранения возможностей тела в первозданном виде. Поэтому мы и возимся с ним как с родным.

– Такой молодой, так жалко. Почему мы это делаем?! – Продолжала причитать Таис.

– Ты знала куда идёшь, и чем мы тут занимаемся. Прекращай истерику! – Уже с явным раздражением произнёс Касим.

– Х-хорошо. Простите. Больше не буду. – Сделав над собой усилие, стала успокаиваться девушка.

– Ты просто вымоталась. Сдадим эту партию, дам тебе отдых. Давай заканчивай тут и иди приведи себя в порядок. – Сказал мужчина и пошёл на выход.

Таис ещё не долгое время проводит какие-то тесты, уже почти не всхлипывая. Закончив, девушка отключает оборудование и покидает помещение. Я же уже вовсю начал пытаться Ё-сика на предмет того, что он выяснил, пока я спал. Сильно он меня не порадовал. Удалённо подключиться ни к сети, ни тем более к камерам наблюдения он не мог. Требуются или административные права на всю сеть, или какой-то другой способ подключения, чтобы попытаться обойти установленные ограничения. На мои вопросы о видах подключения он отвечал уклончиво, якобы потому, что у него было недостаточно информации. Может быть и так, но мне показалось, что он просто не хотел мне в этом помогать. Возможно, его электронные мозги видели больше угроз в таких действиях, чем возможностей меня освободить. Вот такой, нерисковый или ограниченный мне попался искин. Ну да ладно, придётся пользоваться тем, что есть. Вспоминая вчерашнюю вылазку для оценки обстановки, я вспомнил пустую площадку без саркофага и с панелью для подключения оборудования, поэтому спросил:

– Ё-сик, а помнишь панель разъёмов в дальнем конце комнаты? Через неё мы можем получить технический доступ к управлению местных камер?

– Теоретически да, ведь они в одной сети, а физическое подключение не требует авторизации при подключении в сеть помещения. – Ответил он.

– А у тебя физический выход есть, по которому мы можем подключиться? – Продолжал я развивать пришедшую мне идею как подключиться к видеонаблюдению.

– Выход есть, но нужен специальный интерфейс с адаптером, чтобы мои контуры не перегорели. – С сомнением ответил Ё-сик. – Похоже, моя идея ему сильно не понравилась, но спорить он даже не начинал.

– Получается, это наш единственный шанс. Обход скоро?

– После технических проверок они обычно увеличивают интервал, поэтому у нас есть минимум десять циклов.

По моим внутренним часам цикл мне показался примерно равным трём минутам, значит, у нас было около получаса, чтобы попытаться подключиться к камерам. Не раздумывая дальше, я ускорился и начал вылезать из полукокона. В этот раз всё прошло более уверенно и, перекинувшись через край, я встал на ноги. В прошлый раз с перепугу я не обратил внимания, а сейчас отметил для себя, что пол подо мной состоит из резиновых плиток с рельефным рисунком и металлическими стыками. Левая нога, когда вылез из полукокона, попала ребром ступни на такой металлический стык между плитками, и меня обожгло холодом. В помещении при этом температура была вполне терпимая. Обо всём этом я размышлял я, уже двигаясь в сторону оборудования которое Таис откатила к стене.

Подойдя к передвижному столику с оборудованием, я поручил искину искать нужный нам интерфейс, а сам стал с интересом разглядывать оборудование. Не могу сказать, что я что-то понял, но мне не показалось, что оно сильно отличалось от нашей медтехники. Хотя конечно я никогда не был специалистом в этой области и сейчас все эти устройства были выключены. Тем временем Ё-сик на второй полке снизу заметил что-то похожее на нужный нам провод и попросил его достать. Я аккуратно выудил провод и стал рассматривать.

– Да тут есть разъем для подключения, но я не уверен, что с другого конца у нас тот разъем, который позволит подключиться к сети. – Выдал свой вердикт искин.

– А это мы сейчас узнаем. – Ответил я, двигаясь к изголовью своего лежбища. Там из стены торчали несколько кабелей, по которым мой саркофаг получал питание и внешнее управление. Я внимательно уставился на разъемы, торчащие из стены и стал сравнивать с тем, что был у меня в руке.

– Тут такого нет, но есть нужный переходник в медицинском наборе и он как раз с адаптером. – С кажущимся облегчением выдал искин.

– Отлично! – Ответил, я, возвращаясь к оборудованию Таис.

Быстро найдя и соединив нужные переходники, я двинулся в дальний угол к пустующей площадке и панели с подключениями. Там уселся под панелью прямо на пол и сказал:

– Ну, коллега объясняйте, как подключить нас к этому чуду инопланетной техники.

– За правым ухом находится разъем для моего подключения. Но будь осторожен, он крепится к кости черепа и не хотелось бы, чтобы ты его продавил своими инопланетными конечностями. – Связвил в ответ Ё-сик.

– Остряк. Лучше покажи схему разъёма и как подключаться. – Ответил я.

Бегло изучив схему и трогая рукой разъем за ухом, я прикинул порядок своих действий и приступил к подключению. Для начала выдохнул и вдохнул, чтобы выровнять дыхание, после этого взял разъем в правую руку. Левой отогнул правое ухо и стал аккуратно пробовать подключить разъем. Естественно с моими кривыми руками программиста или гоп-стопера это с первого раза не получилось. Я расцарапал всю окружающую кожу, но в итоге разъем встал на своё место с характерным щелчком.

– Готово. Дальше что?

– Теперь надо подключить во второй разъем слева на панели. Но я не уверен, что смогу синхронизироваться с сетью в изменённом времени. – С сомнением ответил искин.

– Хорошо. Делаем так, я выхожу в реальное время, подключаю нас к панели, а тебе надо подключиться к ближайшим камерам и сделать нас невидимыми. Справишься? – Скорее для того, чтобы раззадорить Ё-сика, чем из-за, сомнений спросил я. Мне то, всё равно деваться некуда. Надо рисковать.

– Думаю да. Подключусь, заиклю старую запись, где нас, нет, а потом удалю всю историю, где ты гуляешь по помещению.

– Ну, тогда начали. – Без паузы сказал я и вышел из ускорения.

Дальше все происходило как в замедленной съемке, я трясущимися руками быстро стараюсь подключить разъём, а он, зараза, никак не подключается. Ё-сик подсказывает, что надо сесть ближе и ослабить натяжение кабеля, чтобы разъём ровнее был при подключении. Сделав как он сказал, со второго раза мне, наконец, удалось подключиться. Дальше началось томительное ожидание. Искин молчал как рыба, а я решил не вмешиваться. Всё равно вряд ли чему могу помочь. Время тянулось жутко медленно, я сидел подключенный к панели, правым боком к стене, обняв руками колени. Сидел на металлической части пола, поэтому постепенно начал замерзать. Вдруг по краям видимости появился угрожающий красный свет и слева внизу начался отсчет 10..9..

– Что случилось? – С беспокойством спросил я у Ё-сика.

– Начал взламывать ближайшую камеру. – Ответил он коротко и опять замолчал.

А отсчёт тем временем продолжался 6..5..4.. Я же думал, как будет глупо, если вот так спалимся, и старался не дёргаться. Не дай Бог в самый неподходящий момент дёрну кабель и помешаю искину. Вот так замерев и стараясь не дышать, я наблюдал, как отсчёт подходил к концу 3..2.. Буквально в мгновение, перед тем, как должна была высветиться единица, Ё-сик спокойно объявил:

– Готово. Доступ получен, данные изменены, запись зациклена. Повторяю с остальными камерами сектора.

Дальше всё пошло быстрее. Каждые двадцать или тридцать секунд мой электронный товарищ докладывал о подключении к очередной камере, и это длилось довольно долго. В какой-то момент он сказал, что осталось две камеры в коридоре. Но по уже захваченным камерам он видит, как к нам идёт охрана на обход. И через цикл мы уже должны лежать на месте. Недолго думая, я отдал команду:

– Брось камеры, займись организацией доступа без провода, чтобы мы могли пользоваться сетью лёжа в полукоконе.

– Это не полукокон, а камера поддержки носителей. – Начал было умничать искин.

– Вот сейчас не время меня поправлять, сделай, пожалуйста, то, что я сказал. – Я раздражённо ответил оттого, что уже довольно сильно продрог, сидя голой задницей на холодном металле.

– Уже делаю. – Ответил Ё-сик. Если бы он добавил смайлики обиды, я бы сейчас вообще не удивился.

Время течёт, а искин молчит. Мне показалось, что я слышу шаги в коридоре. Сердце начало разгоняться, и я уже был готов вступать в бой, когда увидел, как начинает открываться дверь помещения. Ё-сик сообщил, что закончил. Я быстро отстегнул из-за уха разъём интерфейса. И уходя в ускорение, побежал к своему полукокону, ну или к своей камере. Дверь по чуть-чуть продолжала открываться и раздвинулась всего сантиметров на пять, когда я уже улёгся на своё место. Проверив, что всё нормально, вышел из ускорения. И тут вспомнил про оставленный в панели подключенный интерфейс. Но деваться уже было некуда.

Всё то время, пока охранник ходил по сектору, я морально готовился перейти в ускорение и вырубить его, чтобы он не успел поднять тревогу. В момент, когда он проходил мимо места, где мы только что взламывали камеры, я буквально перестал дышать. Но всё обошлось. Он просто не обратил внимания на кабель, торчащий из стены. Дальше, выдохнув, я спокойно наблюдал за обходом через камеры, картинку с которых мне любезно показывал Ё-сик. Тем временем у меня накопились вопросы, которые я решил, не откладывая разрешить:

– Ё-сик, Касим что-то сказал про то, что у меня высокий уровень Одарённости. Получается, вы научились эти способности измерять? – Задал я первый вопрос.

– Да, и по моим данным уже давно – более двухсот лет. – Ответил мне он.

– Ты мне что-то в прошлый раз рассказывал про связь нейронов и гравитации, но я тогда не вник, как следует. Можешь пояснить как можно проще, что за связь? – Спросил я, хотя терпеть не могу выглядеть глупо.

– Да, конечно. Если по-простому, то у Одарённых особая структура нейронных связей, и они, резонируя с гравитационными полями планет или других небесных тел, не создают гравитацию с нуля, а именно перераспределяют то поле, в котором они находятся. Эффект слабый, но для человеческого восприятия – колоссальный. – Упростил он для меня концепцию управления временем.

– А почему ты сказал, что я из другого мира, а не с другой планеты или из другого созвездия? – Задал я следующий интересующий меня вопрос.

– Не знаю как в вашем мире, а у нас по законам мироздания нельзя лететь быстрее света. Поэтому ты никак не можешь быть из другой звёздной системы. До ближайшей звезды от нас даже со скоростью света лететь сотни лет. Это никак не вяжется с твоими воспоминаниями и с тем, что мне известно о твоём пребывании здесь. Меня имплантировали три дня назад и в тот момент в твоём теле, не было никаких признаков глубокого сна необходимого для таких длительных перелётов. Кроме того, по моим данным, у нас пока не существует технологий, позволяющих слетать в ближайшую звёздную систему и вернуться обратно. Получается ты из другого мира. А что это за мир и как ты оттуда к нам попал, я не могу сказать. Недостаточно исходных данных.

Обдумав полученную информацию, я задал следующий вопрос о местной планетарной системе и политических раскладах в ней. Это мне понадобилось, чтобы понять, как действовать дальше, а не бежать куда глаза глядят, не разобравшись в ситуации. Искин в ответ прочитал мне целую лекцию о местных планетах. Если коротко, то местным обитателям повезло существенно больше, чем нам. Здешняя звезда с названием Веста[1] не такая горячая, как наше Солнце, и вокруг неё собралось довольно много планет. Среди них две планеты - Эос и Мирея, а также третий спутник газового гиганта - Тирон, все они полностью пригодны для жизни. Кроме того, есть несколько планет, условно пригодных для жизни человека. В данный момент я нахожусь на втором из спутников Тирона, глубоко под поверхностью или под куполом, так как на поверхности дышать нельзя, а вокруг – метановые реки и озёра. Как же повезло местным жителям! У них целых три планеты, пригодных для жизни, прямо рай какой-то для цивилизации. Не просто так они свою планетарную систему Очагом называют.

Тем временем по коридору мимо нашего помещения прошла кавалькада людей в странной белой форме, отличной от охраны. Я даже попросил Ё-сика сохранить изображение и приблизить одного из них. Потом внимательно лежал и рассматривал местного толи военного, толи военизированного охранника. Видок у него был ещё тот. Прямо как из звёздных войн. Белый шлем, белые латы, но почему-то больше похожие на латы гвардии японского императора. И главное – никакого оружия, кроме мечей на спине. «Средневековые какое-то. Неужели тут не знают про порох или не изобрели никаких других лучей смерти?» – подумал я, оценив изображение. Мысли об оружии навели меня на следующий вопрос: «А как тут вообще всё устроено в этом мире? Что тут с политической обстановкой?»

Оказалось, что обстановка в планетарной системе напряжённая. Проще говоря, у них тут идет вялотекущая война между Светлыми и Тёмными Одарёнными. Вот такой вот поворот судьбы. Причём Тёмные, по сути, являются повстанцами, а сам я сейчас в руках Светлых. Всё смешалось и перевернулось.

Здесьние Светлые организовали социальное государство и заняли самые пригодные для жизни планеты. Со слов искина, в государстве Светлых всё построено на вере и справедливости, то есть на равенстве возможностей и потребностей. Где-то я такое уже слышал. Но преступность полностью себя не изжила и народ под чутким руководством Светлых Одарённых святош борется на два фронта - с преступностью и с повстанцами, которыми руководят Тём-

ные. Всё с ног на голову. О причинах этого противостояния Ё-сик или не захотел говорить, или ничего не знал. Ох уж эти искины. Вечно стараются соблюдать повесточку.

Получив столько ценной информации, я стал оценивать всё произошедшее со мной и прикидывать, как действовать дальше. Всё указывает на то, что меня и моих собратьев по несчастью используют как подпитку для местных Светлых, но в качестве запчастей. Получается с ними мне не по пути. Ну не к Тёмным же подаваться?! По-крупному план простой: во-первых, спастись из этой дыры, в которой людям мозг промывают, и, во-вторых, найти, как я сюда попал из своего мира. Все эти размышления были очень похожи на мои сомнения, которые я пережил несколько месяцев назад, в какой-то момент я ощутил, что всё вокруг стало отдаляться, и вместо своего саркофага я оказался на даче в Серебряном бору.

Глава 4.

Разговор с Семёновым не задался сразу. Он каким-то образом почувствовал мои сомнения и давил на любые их проявления. Прошло уже полгода с момента нашей совместной операции с ГРУ, благодаря которой удалось обезглавить Организацию Тёмных засевших в Москва-Сити. Я отгулял отпуск с Мариной после свадьбы и вот уже пару месяцев мы гонимся за остатками Тёмных по территории России. На СВО меня не отпускают, а гонять одиночек стало рутиной. В ФСБ нас, похоже, возвращать как отдел даже не собирались, и мы прижились в полном составе как отдельное внештатное подразделение стратегической разведки. Но задач кроме отлова Тёмных на нашей территории мы не получали. От скуки я сначала вспомнил о боевых наградах, которые меня попросил сохранить дед Ньюма из Одессы. Какое-то время потратил на то, чтобы передать их в один из музеев и внести информацию в базу памяти. После этого вспомнил про привезённый с собой ноутбук из Германии и с помощью нашего связиста группы, Алексея Чудова (с позывным Попович) стал изучать его содержимое. А там оказались данные не только по нашим войскам, которые вывели из ГДР, но и много интересного по Тёмным в Евросоюзе.

Оказалось, что все нити управления европейскими Тёмными ведут в Англию. Все операции, в которых участвуют Одарённые, согласовываются с центром где-то в этой стране. Но, даже несмотря на это, ещё остаются очаги сопротивления Светлых не только по всей Европе, но и в самой Англии. В данных мы с Поповичем нашли некоторые упоминания Светлых в Дублине, Корке и Белфасте. Вот на кого мы могли бы опереться в борьбе с нашими врагами. Если, конечно, Светлые там ещё существуют. Эта мысль не давала мне покоя, тем более что большинство Тёмных, которым удалось от нас сбежать, направились именно в Англию. Значит, там их и надо искать. Именно с этим предложением я пошёл к полковнику. Сказать, что он встретил меня нерадостно, – это почти ничего не сказать. Ведь я шёл не с пустыми руками, а с целым планом операции, который мне на тот момент казался идеальным. Семёнов сходу меня осадил:

– Совин, ты вообще нормальный? – И уставился на меня, как на человека, в котором он подозревал сильную умственную отсталость. Толи с жалостью, толи с брезгливостью.

– Эмм... – В ответ я смог только невнятно промычать.

– Ты забыл, какая у нас обстановка и что мы в состоянии войны с Евросоюзом? Ты меня просишь санкционировать заброску тебя и группы во враждебное государство с оружием и с целью уничтожения Тёмных. Повторюсь, ты нормальный?

– Но... – Попытался я было возразить.

– Никаких но! Это не только наше руководство не одобрит, это даже я не одобрю. Хотя прекрасно осведомлён о твоих возможностях как Одарённого. Но теперь ты без своего напарника Абэ. А Марину я с тобой не отпускаю. Она мне тут нужна с её новыми умениями и знаниями в тайных операциях. – Отрезал он любые мои попытки протолкнуть свой план.

– Ну, хотя бы меня одного на разведку отпустите, Николай Петрович. – Начал уговаривать его я.

– И как ты себе это представляешь? Думаешь, мне одобряют подобные выкрутасы? – Немного смягчился он.

– Так я как турист, через Турцию, потом Грецию и Италию на месяцок слетаю и разведую что да как. Постараюсь познакомиться с тамошними коллегами, и может быть о чём-нибудь договориться.

– Ты меня в гроб сведёшь, Александр! Ну что тебе на месте не сидится? То на войну ломишься, то вот теперь на разведку просишься. Тебе молодой жены не хватает? Может успо-

коиться пора и просто работой заниматься? Мало что ли у нас тут нечисти развелось. – Уже почти успокоившись, в сердцах выдал Семёнов.

– Но они же там в своём туманном Альбионе не успокоятся. Будут продолжать гадить, пока мы не успокоим их. – Решил я нажать на больное место.

– Ну так не наше это дело решать международные вопросы, – Постарался он съехать с неприятной темы.

– А чьё? Мы же не ФСБ теперь, а вроде бы даже разведчики-стратеги. По-моему, как раз нам и надо этим заниматься. – Сделал я ход конём и надавил на логику полковника.

Он внимательно посмотрел на меня долгим взглядом. Потом повернулся в сторону окна и уставился куда-то между сосен за окном. Посидев так какое-то время, он вздохнул и сказал:

– Марина меня убьёт! – При этом всё ещё не отводил взгляда от точки между соснами.

– Ни..колай Петрович, ну уж с ней-то я точно договорюсь. – Протянул я как можно более уверенным голосом. Хотя сам понимал, что уговорить её будет практически невозможно.

Уже через несколько дней с вещами, документами и деньгами на дорогу я стоял перед полковником и докладывал свою легенду. Мол, русо-туристо, обlikо-морале и интересуюсь только религиозными объектами. Коллеги из разведки подготовили мне неплохую историю доцента историка с сильным интересом в области христианства. Такая легенда позволяла мне интересоваться любыми приходами, включая ирландские католические. Проверив меня, Семёнов по-отечески посмотрел на меня и серьёзно сказал:

– Ты там это... Не лезь на рожон. Осмотрись, познакомься, но не воюй, пожалуйста. Если с тобой что-то случится, мне не жить. Сам понимаешь. Марина меня не простит.

– Я буду как гимназистка - скромн и осторожен. – Как можно увереннее соврал я.

После инструктажа на улице меня ждала Марина. Она упорно делала вид полного спокойствия и улыбнулась мне своей грустной улыбкой. Посторонние возможно и не замечали, но я видел, что ещё чуть-чуть, и она расплчется. Я бросил сумку и рюкзак на землю и обнял её. Её волосы как всегда пахли весенними цветами, хотя на дворе был уже поздний октябрь. Марина крепко до боли обнимала меня, как будто боялась потерять. Мы долго стояли и молчали. Всё уже было обговорено задолго до этого момента. Конечно, она не хотела меня отпускать одного. Месяц – это вроде бы недолго, но без любимой женщины он может показаться вечностью. Через какое-то время она отстранилась и внимательно посмотрела мне в глаза. На мгновение я ощутил, что мне её уже не хватает, хотя мы были ещё тут, рядом. Не знаю, что она там увидела, но вздохнула, и опять прильнув ко мне, положила свою голову грудь. Отпустить она меня, похоже, не собиралась. Но вот уже к нам подошёл водитель и деликатно стоял в стороне, ожидая. Я поцеловал Марину в затылок и сказал:

– Мариш, пора.

Вздохнув, она отпустила меня и старалась не смотреть в глаза. Мою правую руку при этом не отпускала. Я уже было развернулся подобрать свои вещи, но она дёрнула меня за руку и, подтянув к себе, поцеловала в губы. После этого отпустила и, развернувшись, пошла в здание. Она всегда говорила, что не любит долгих прощаний, вот и сейчас придерживалась своих привычек. Я смотрел ей вслед, пока дверь не закрылась, и уже сейчас ощутил, что не полон, словно оторвали часть меня.

Дальше был перелёт в Турцию, переезд в Грецию, и, наконец, итальянский международный аэропорт, из которого я улетал к моей цели в Дублине. Я, конечно, по дороге посетил несколько храмов для поддержания легенды, но эти визиты были формальными, и я старался нигде не задерживаться. Ирландия встречала меня дождём, в иллюминаторы только что приземлившегося самолёта я кроме разноцветных разводов ничего рассмотреть не смог. Пройдя таможенный и пограничный контроль без приключений, я оказался на выходе терминала и остановил проезжающее мимо такси, из которого только что высадились пассажиры. Водитель остановился, но мне показалось, что неохотно. Кинув свои пожитки в багажник, я разме-

стился в салоне обычного седана, хотя думал, что буду тут разъезжать в знаменитом английском кэбе[2].

Через сорок минут водитель высадил меня в Смитфилде у дома, в котором мне коллеги забронировали жильё. У входа с зонтом меня уже встречал пожилой ирландец. Я представился в соответствии со своей легендой Александром Калинин. Он молча кивнул и жестом позвал за собой. Немного замешкавшись, закрывая свой огромный зонт у двери, он что-то сердито пробормотал. Но я не расслышал, что. Вообще мне показалось, что он не горел желанием не только находиться сейчас рядом со мной, но и вообще сдавать мне квартиру. Несмотря на это, он мужественно довёл меня до жилища, всё показал, и, оставив ключи, удалился. Квартира была оплачена на неделю с лишним, за это время мне надо было обойти несколько храмов и заглянуть в места, где я мог предположительно встретить местных Одарённых ирландцев.

До вечера уже оставалось недолго и смысла куда-то идти уже не было, тем более в такую погоду. Выглянув в окно, я сквозь потоки дождя приметил напротив своего апарта-отеля небольшой паб и решил окунуться в местный колорит. Найдя в шкафу номера большой зонт, любезно оставленный хозяевами, я двинулся знакомиться с местным пивом. Зайдя в паб, я порадовался простому названию «Булыжник» и был приятно удивлён, так как в одном из углов сидели музыканты и играли какую-то национальную музыку. Похоже, я попал в непростое заведение. Судя по фотографиям и картинкам на стенах паба, это было какое-то культовое место для жителей Дублина. Заказав себе тёмного пива местного разлива, я уселся как можно неприметнее, чтобы не привлекать к себе много внимания. В пабе в этот вечер, из-за погоды, было мало посетителей и рыжий парень-бармен явно скучал, протирая только, что помытые бокалы сухим полотенцем. Одет он был совсем не по-барменски. Простая белая майка, серые штаны и даже не было фирменного передника с символикой паба.

Выпив своё пиво и поняв, что тут я кроме музыки никакого колорита не получу, решил задать пару вопросов бармену, совсем не похожему на бармена. Меня интересовало, с какого храма лучше начать, чтобы погрузиться, так сказать, в исторический контекст ирландских католиков. Вот с этим вопросом я к нему и пристал. Он немного опешил от вопроса и прежде чем ответить поставил очередной бокал на стойку, снял очки и тщательно их вытер. А после этого чуть ли не по слогам, возможно, он меня принял за какого-то больного, стал сбивчиво рассказывать о местных храмах. Из его рассказа, задав нескольких наводящих вопросов, я понял, что обратился не по адресу и ребята, которые выбирали мне жильё, оказались более осведомлёнными, так как у меня был список церквей и костёлов с расставленными приоритетами по вероятности их связи с ирландскими повстанцами. Дослушав то, мне втемняшивал паренёк, я поблагодарил его, расплатился и двинулся на выход. Но краем глаза заметил, этот «жук» взял телефон и уже куда-то набирал. Вздохнув, я поднял воротник своей куртки повыше и вывалился из паба, одновременно открывая зонт. На улице всё ещё лило как из ведра.

На следующий день, встав пораньше, я достал из сумки рюкзак и проверил. Он был специально сделан под меня и мои мечи. Это для нас с Мариной Абэ расстарался. Мне достался чёрный с кевларовым покрытием. Сделанный так, чтобы в нём по бокам спокойно и незаметно умещались оба моих меча. Спроектирован рюкзак был очень здорово, так как, несмотря на величину, он не выглядел огромным, а материалы были настолько прочными, на нем можно было кататься с горки зимой. Я проверил ход мечей, в скрытых ножнах, убедившись в лёгкости и бесшумности их движения. А ещё кажется, на задней стенке рюкзака была встроена лёгкая пластиковая плита, как в современных бронниках.

Собрав все нужные вещи, документы и книги, чтобы соответствовать легенде, в рюкзаке, я выглянул в окно и удостоверился, что дождь закончился. Одевшись по погоде, я закрыл свою комнату и двинулся к первой по пути цели. Церковь Святой Марии Ангелов находилась в двух кварталах, и по дороге к ней, я с интересом разглядывал местные улочки и строения.

Вокруг были здания не выше четырёх этажей. Все заборы между ними и ворота были изрисованы граффити или заклеены политическими или рекламными плакатами. Всё это вызывало довольно мрачное впечатление и, напоминало Москву девяностых годов. Только урн с вываливающимся мусором не хватало. Что-то похожее раньше у нас было между метро Маяковская и Новослободская. Только у нас уличным художникам эти проулки предоставили целенаправленно, чтобы творили в своё удовольствие, а тут в таком виде были изрисованы и залеплены обычные переулки. Минут через двенадцать я дошёл до церкви. Это серое здание в готическом стиле с белыми фигурами святых и Христа на кресте выглядело красиво, но больно уж поношенным. Подойдя к входу, я, как принято у нас, размашисто перекрестился и вошёл в здание. Первое, что меня удивило - это то, что за обычными массивными дверьми я упёрся в стеклянные двери, похожие на те, что мы каждый день видим в торговых центрах и сетевых магазинах, только белые католические кресты на стёклах говорили о том, что это церковь. Мне даже показалось, что центральные двери могут автоматически открываться. Но датчики в этот момент были отключены, поэтому мне пришлось воспользоваться обычными дверями по бокам. Дальше всё как в обычных католических храмах, высокие потолки, витражи и ровные ряды скамеек для прихожан. Всё это меня не интересовало, мне нужен был настоятель.

Моё появление в пустой церкви с интересом наблюдал бородатый мужчина, больше похожий на байкера, чем на священника, но в простой рясе монаха подпоясанной белой верёвкой. Он подметал пустое пространство между кафедрой и скамьями. И прежде чем я задал хоть какой-нибудь вопрос, он опередил меня и спросил первым:

– А, вы тот русский, который интересуется нашей церковью? – На его лице при этом появилась хитрая улыбка.

– Да, а откуда вы знаете? – С видимым удивлением ответил я.

– Ну, тут молодой человек всё просто. Вчера вы были в баре «Бульжник»?

– Да. – Я начинал понимать, к чему он клонит

– Ну, вот уже весь район знает, что приехал любопытный иностранец и задаёт вопросы о храмах. На входе вы перекрестились по православному, а акцент у Вас явно русский. – С торжествующим видом добил он меня своей дедукцией и осведомлённостью.

– Bravo, святой отец Брайан! – Настала моя очередь его удивлять.

– Полно, сын мой, вы тоже оказывается готовы к нашей встрече. – С улыбкой примирительно произнёс он. – Что привело Вас сюда? – Решил он перейти к делу и, приглашая, показал на ближайшую скамью.

После этого, я в соответствии со своей легендой, выложил ему целую кучу вопросов, про католицизм в Ирландии. И в частности про орден капуцинов и их участие в борьбе за свободу. Он охотно рассказывал про католиков, но всячески увиливал от рассказа про капуцинов. Пару раз только обмолвился про монахов капуцинов и их подвиги. Как бы невзначай я пару раз упомянул легенду про Светлых, но мой собеседник даже бровью не повёл и сказал, что, ничего такого не знает. Так, мило общаясь, мы не заметили, что уже пролетело почти два часа. У настоятеля были дела и он, извинившись, откланялся. Я, ещё немного посидев, обдумывая услышанное и увиденное, тоже встал и направился в следующий храм по списку. С таким же нулевым результатом я за несколько дней обошёл и объехал множество церквей, монастырей и приходов в Дублине и его пригородах. Попытки узнать хоть что-то сверх официальных данных у местных жителей тоже не увенчались успехом. Только один старик у монастыря в пригороде с удивлением на меня посмотрел и уточнил, был ли я в церкви Святой Марии Ангелов. Услышав, что был, ещё больше удивился и спросил, зачем тогда, я езжу по округе, ведь там, где церковь, там и первый монастырь капуцинов в Ирландии. После этого развернулся и, не прощаясь, удалился, оставив меня размышлять посреди улицы.

На следующий день была среда и я с самого утра стоял в очереди в дневную столовую капуцинов при церкви Святой Марии. Попав в столовую, я, естественно, не стал брать продук-

товый набор, а взял себе чай и присел к самому старому и, на мой взгляд, что-то знающему старику-ирландцу. Перекинувшись с ним парой слов, он сообразил, что меня интересует история ордена, ничего не объясняя, он жестом подозвал к себе одного из волонтеров и что-то прошептал ему на ухо. Паренёк сначала удивлённо посмотрел на моего собеседника, а потом, улыбнувшись, кивнул. Затем он повернулся ко мне, поздоровался и жестом пригласил за собой. Поблагодарив старика, я встал и двинулся за волонтером. Войдя в небольшое помещение, я увидел сидящую за столом негритянку в очках, она что-то писала. Паренёк представил меня и, не согласуя со мной, сообщил женщине, что я интересуюсь историей ордена и за это готов поработать. Вот так меня, без меня, и «женили».

Следующие несколько дней я волонтерил в столовой, помогая носить вещи, готовить и раскладывать еду, при этом внимательно слушал и наблюдал, надеясь, услышать или увидеть хоть что-то для меня полезное. Но, ничего не происходило. Всё было рутинно, нуждающиеся приходили ели и уходили. Кто-то рассказывал о своей тяжёлой жизни, кто-то о превратностях судьбы, но все говорили только о себе. Об ордене я за эти дни не услышал ни слова. На пятый день ко мне подошла начальница, которую, как оказалось, звали Мигель. Меня поначалу удивило это, но, похоже, тут так звать женщину было вполне нормальным. Она похвалила меня за хорошую работу и спросила, узнал ли я то, что хотел, когда пришёл в первый день. Я с сожалением ответил, что нет. Мигель хлопала меня по плечу и, улыбнувшись, дала мне в руки карточку с адресом. Сказав при этом, что по этому адресу в пабе надо найти старика ирландца по имени Лиам и он мне расскажет многое из того, что меня интересует. Я с благодарностью взял адрес и, попрощавшись, покинул столовую.

Через полчаса я открыл, звякнувшую колокольчиком дверь паба по адресу на карточке. Внутри было темнее, чем на улице, поэтому я, немного постоял, пока мои глаза привыкнут. Как только стал видеть отчётливо, в дальнем углу увидел того самого хитрого старика, который припахал меня работать в столовой. Он жестом махнул мне, приглашая за свой столик. И я пошёл в его сторону. Немного задержавшись у стойки бара, я заказал себе пинту тёмного пива и, подходя к столу, снял свой рюкзак. Бросив его на рядом стоящий стул, я уже было собрался сесть напротив ирландца. Но тот встал и, придерживая полы своего пиджака, протянул мне руку, представляясь:

– Лиам. Прости за хитрость с волонтерством.

– Александр. – Ответил я, успокаивая в себе волну возмущения, которая накрыла меня, как только его увидел.

– Ты хотел узнать про братьев капуцинов? Какие подробности тебя интересуют? – Тут же перешёл он к делу.

Поначалу осторожно я стал расспрашивать его о роли капуцинов в ирландских восстаниях, и в процессе упомянул легенду о Светлых. Лиам после упоминания внимательно посмотрел на меня и порекомендовал больше никого в Дублине и вообще нигде в Британии больше не спрашивать про Светлых. И не развивая тему, вернулся к капуцинам. В процессе разговора я несколько раз заказывал нам пива и закуски. И в какой-то момент, похоже, хмель ударил мне в голову. Потому как я осмелел и решил попробовать спровоцировать собеседника на большую откровенность, показав свою Одарённость. Почему-то мне показалось, что он увидит, если я ускорюсь или замедлюсь. И я не ошибся. Когда ускорившись, я попытался смахнуть крошки от гренок со стола, на мою руку с той же скоростью легла рука Лиамы. Мы оба вывалились из ускорения и внимательно смотрели друг на друга, не двигаясь. Я был готов и чувствовал, что он так же готов к бою. Но ни я, ни он не знали враг перед ним или друг. Мне показалось, что мы так молча, касаясь руками, без движения, упревшись взглядами друг в друга, просидели минут десять. Хотя, конечно, это было не так. В конце концов он убрал свою руку, воровато оглянувшись вокруг и, повернувшись, начал говорить:

– Никогда! Слышишь?! Никогда больше в Британии не делай так на людях или там, где за тобой могут наблюдать. – Говорил он это хрипло и с большим волнением.

После этого наш разговор потёк совсем в другом направлении. Выяснилось, что он один из немногих Светлых оставшихся и скрывающихся в Ирландии. Оказалось, я правильно зацепился за капуцинов, так как именно они были последним оплотом повстанцев, среди которых были Светлые. Но подлость Тёмных в Ирландии просто превзошла все, что я мог представить. С его слов получалось, что британцы (именно так и никак иначе Лиам называл Тёмных) поняв, что в честном противостоянии Светлых не одолеть, начали применять операции под чужим флагом. Проще говоря, практически все теракты в Англии, в которых пострадали гражданские лица, были проведены или группами повстанцев под контролем Тёмных, или самими Тёмными. В итоге даже народ Ирландии начал отворачиваться от повстанцев и начались облавы на Светлых. Одарённые стали бесследно пропадать или умирать при странных обстоятельствах. Но примечательно было то, что пропадали только молодые люди и девушки. Товарищи Лиам предполагали какие-то научные исследования, но сам он склонялся к тому, что у Тёмных были знания, как забирать тела. Но доказательств не было, никаких, только то, что он пару раз в Дублине видел, знакомые лица пропавших товарищей. Но и в этом он уже не был уверен.

Под конец нашего разговора Лиам уже порядком набрался и, расслабившись, сказал, что рад тому, что Светлые пускай и из далёкой России пришли к ним на помощь. В знак дружбы он пообещал, что завтра с утра придёт ко мне в гостиницу и принесёт какие-то интересные артефакты. Оказывается, он уже даже знал, где я живу. На этом мы с ним и распрощались. Я направился к себе в квартиру. Идя по слабо освещённым улицам Дублина, я размышлял о только что случившемся знакомстве и о тех вещах, которые мне рассказал ирландец. В одном из переулков на меня попытались напасть, но я спокойно, даже не ускоряясь, раскидал двоих хулиганов и двинулся дальше. Вскоре я был уже в своём жилище и по-быстрому умывшись, завалился спать.

На следующий день ни свет ни заря появился Лиам. Он тихо постучал в дверь. Хорошо, что я сплю под утро чутко, мог бы и не услышать. Надев штаны, я открыл дверь. И только убедившись, что это свои, пустил его в квартиру. Лиам принёс какой-то старый дневник монаха капуцина и кулон-оберег. С его слов, кулон помогает от людей, которые умеют видеть Одарённых. Точно такой же он носит сам. Немного пообщавшись, мы пожали друг другу руки, и он покинул моё жилище. После его ухода я сел на край кровати, чтобы выдохнуть и подумать, что делать дальше. Хотелось позвонить Марине и сообщить, что у меня всё в порядке. Но тут я услышал свист тормозов и какую-то суету на улице нарушающую общий ритм утреннего города. Подбежав к окну и я увидел, как уже скрученного Лиам, грузят в светлый фургон какой-то курьерской службы. Не раздумывая, я смахнул в пакет все, что принес ирландец и сунул в тайник, который я соорудил в квартире за эти несколько дней. Затем быстро оделся, накинул рюкзак и аккуратно выглянул из двери квартиры. В коридоре было тихо. Я аккуратно, чтобы не шуметь вышел и закрыл за собой дверь. Через главный ход идти было нельзя, поэтому я направился по пожарной лестнице наверх. Выскочил на чердак и, оглядевшись, двинулся к дальнему торцу здания. Там залез на пристройку и далее на крышу смежного здания. Старое здание было построено так, что мне удалось безболезненно спуститься во внутренний двор. Быстро преодолев площадку двора, я выскочил в арку, а там меня уже ждали. Почувствовав угрозу, я было, ускорился, но не смог этого сделать. Ощущение было такое, что меня покинули силы. Я чувствовал время, но не мог им манипулировать. Последней мыслью перед тем, как меня вырубил, было: «Они и так умеют?!»

Очнулся я от того, что меня звали по имени на английском. Это был Лиам. Он звал меня через вентиляционную решётку камеры, в которой я оказался. Его камера была смежной. Ирландец наказал мне держаться и пообещал, что нас скоро вызволят. Меня топили и били,

но били аккуратно, чтобы не повредить кости и внутренние органы. Всё это делалось молча, без вопросов. В конце концов, я попытался вызвать своего мучителя на разговор:

– Да что ты хочешь от меня, вражина?! – В сердцах крикнул я после того, как сплюнул кровавую слюну.

– Заткнись, москаль! Мне просто нравится! – Крикнул мне ответ человек в маске и снова ударил.

Каждый день многие звуки повторялись, по ним я насчитал тридцать или сорок дней, но всё равно, в конце концов, потерял счёт дням, неделям, а может и месяцам. В один из обычных дней меня опять вывели из камеры. Но повели в другую сторону от пыточной, у очередной двери мне надели мешок на голову и немного поплутав по коридорам, вывели на улицу. Так как я был босиком, да и вообще не очень-то одет, я понял, что на улице не лето, а скорее зима. Было жутко холодно от пронизывающего ветра. Задувало даже мне в мешок. Я быстро перестал чувствовать свои ступни, а меня тем временем куда-то вели. В какой-то момент вокруг началась суeta, и кто-то на ухо мне прошипел: «Беги», – и сдёрнул с головы мешок. И вот так со связанными руками сзади я побежал, куда глаза глядят. Бежал я явно по улочкам какого-то пригорода или небольшого английского городка. За одним из домов я свернул в переулок и там выбежал на пустырь с остатками полуразрушенного фонтана. Оперевшись боком на бортик фонтана, я извернулся и перевёл руки из-за спины вперёд. И после этого замер прислушиваясь. В ближайших дворах явно что-то происходило. Кто-то вскрикивал и, похоже, шла какая-то потасовка. Я сидел пока не услышал её голос:

– Саша! – Кричала Марина.

Ни секунды не думая, я вскочил, огляделся и, прикинув, как кратчайшим путём добраться до неё, что есть мочи побежал. Ног я уже давно не чувствовал от холода, поэтому спокойно бежал по строительному мусору и щебёнке, попадающим мне на пути. Пробежав мимо нескольких зданий в переулке, я снова услышал, как меня зовёт Марина. Она была уже где-то близко. В её голосе слышны были горечь и непонимание. От этого у меня внутри всё закипало и требовало оказаться рядом с ней прямо сейчас, несмотря ни на какие преграды. В конце концов, я выбежал на пустую парковку. С одной стороны было какое-то полуразрушенное здание, а с другой двухэтажный дом со строительными лесами в торце. Голос Марины раздавался из-за угла этого здания. Через мгновение я увидел её бегущую навстречу, огибая строительные леса, а с ней рядом, чуть позади бежал Булат. Командир бежал, оглядываясь и подталкивая Марину в спину. Она увидела меня, и мы ринулись навстречу друг другу. Я даже попытался ускориться, наверняка она тоже попробовала, но время опять стало неподъёмным для нас. Мы двигались друг другу навстречу словно вечность. Но встретиться нам было не суждено. Прямо за Мариной что-то ярко вспыхнуло, ослепив меня, и они оба пропали в этой вспышке. Я временно ослеп, был сбит с ног и оглушен ударной волной, но понимал, что в таком взрыве выжить без возможности управлять временем было невозможно. От безысходности и горя горло сдавило так, что стало трудно дышать. Грудь рвало от крика, но я молчал. Случившееся не помещалось в моём сознании, буквально каждая клетка мозга выла от отчаяния. Я стоял на коленях, упираясь связанными руками в землю, и рыдал. Тихо, без звука. Вдруг в шею что-то укололо, и я почувствовал, как падаю в никуда.

Глава 5.

Марина стояла у окна в кабинете полковника и молча смотрела, расфокусировав взгляд. Она опять переживала все те чувства, которые её раз за разом накрывали уже второй месяц. Саша не выходит на связь. Хотя обещал звонить каждую неделю. Что-то случилось. Она уже на седьмой день молчания стояла перед Семёновым в этом же кабинете, но в тот и в последующие два раза он убедил её, что надо подождать: «Вдруг у Саши просто нет возможности, так как он глубоко внедрил куда-то там в Ирландии». Сейчас слова Николая Петровича только сильнее злили девушку, а в те разы именно так он её успокаивал. Но сегодня ночью, нарыдавшись, Марина поняла: «Всё, дальше ждать нельзя! Саша не вернётся сам! Надо спасти её родного, любимого Сашеньку». Девушка усилием сдержала подкатывающий комок к горлу и, сглотнув слезы, произнесла, не оборачиваясь:

– Я лечу в Дублин.

– Нет, – Ответил полковник.

– Я не спрашиваю разрешения. Вот рапорт на отпуск по семейным обстоятельствам.

Она повернулась и протянула сложенный вдвое лист бумаги Семёнову, стараясь при этом не смотреть ему в глаза.

– Марина, ты же понимаешь, что я не могу тебя отпустить. – Глубоко вздохнув, произнёс он.

– Не отпустите – я сбегу! Я умею, и вы это знаете. – Сказала она и твёрдо посмотрела в глаза полковника, как комсомолка из фильмов про войну.

– Да что же за семья у вас такая, Совины?! Сначала один мне три месяца руки выкручивал и в конечном итоге добился, что его официально послали на разведку. Но он умудрился там во что-то ввязаться...

Семёнов осекся, поняв, что сказал лишнего. Это всего лишь его предположение. А Александр для Марины – вся её жизнь. Даже психолог-эксперт высказывал опасения по поводу двух настолько привязанных друг другу офицеров в одном подразделении. А Марина тем временем смотрела на него, готовая разреветься прямо тут.

– Одну не отпущу. Летишь с Булатом. – Недовольно сказал он и не успел ничего сделать, как девушка с разбегу обняла его и, всхлипывая, стала бормотать:

– Спасибо! Спасибо! Спасибо!

– Так! Успокоилась! Ты не в отпуске, а на службе. Летишь в командировку возвращать нашего бойца, а не мужа. Поняла? – Строго спросил он.

– Так точно! Разрешите идти? – Резко отстранившись и шмыгнув носом, чётко произнесла Марина.

– Дуй отсюда. Все инструкции получишь у Руслана Булатовича.

Марина вылетела из кабинета Семёнова пулей и понеслась по двору дачи в Серебряном бору. Уже через сорок минут она была дома и собирала вещи. Позвонил Юсупов (Булат), сказал через час быть с вещами у съезда на МКАД в Мякининском проезде. Там он её и подберёт по дороге в Шереметьево. «Это недалеко от дома», – подумала Марина и села на кровать. Предательский комок опять стал подкатывать к горлу. Но она не стала себя сдерживать, просто встала и пошла в ванную, чтобы поплакать и сразу умыться. Прорыдавшись очередной раз, девушка глубоко вздохнула, умылась, быстро надела макияж и уже через полчаса была на указанном Булатом месте. Она оставляла в Москве всю свою предыдущую жизнь и готова была мчаться куда угодно, лишь бы вернуть её Сашеньку.

После ухода Марины Семёнов зло стукнул кулаком по столу. С одной стороны, он понимал чувства Марины, с другой – устал нянчиться с этой парочкой учеников школы ниндзюу. У

них любовь-морковь, а в стране натурально война идет по нескольким фронтам одновременно. С одной стороны либералы давят, с другой финансисты, с третьей ворьё всякое. Немного лучше, но тоже всё ещё тяжело на Украине и во внутренней войне с Тёмными. После разгрома Организации их структура развалилась на несколько частей и больше стала похожа на разрозненные банды. Но даже в таком состоянии они всё еще приносили много вреда. И, несмотря на всё это почему-то полковник чувствовал, что Совин со своей совьей чуйкой поймал нужную нить. Не просто так он пропал. Ой, не просто так. Немного подумав, он поднял трубку со стационарного телефона с наборным кольцом и, набрав четырёхзначный номер, сказал в неё:

– Григорич, всё идет, так как ты предполагал. Совина летит в Дублин. Надо готовить группу.

Булат подъехал точно в назначенное время. Марина закинула сумку на заднее сиденье, а сама села на переднее. Руслан Булатович скорее для поддержки, чем из любопытства спросил:

– Как ты? – Спросил он, понимая, что в таких случаях морально хуже тому, кто ждёт и находится в неизвестности.

– Плохо, Булат. Плохо. – Честно созналась Марина.

– Ну, поехали. Выручать нашего Сашку. – Сказал он и вдавил педаль газа в пол.

Ровер, немного присвистывая, нёсся по дороге в Шереметьево, а Марина, положив на боковое стекло голову, периодически проваливалась в воспоминания. То она отчётливо видела, как Саша уходит с Абэ из турецкого кабака. То виноватый вид Саши в самолёте после того, как она чудом спаслась от смертельного вируса. Во всех случаях главной деталью был его бездонный взгляд. Как будто он знал наперёд все, что с ним произойдёт в жизни, и от этого каждую секунду грустил и улыбался одновременно. Он всегда говорил на такие её мысли, что она придумывает, но Марине всё равно казалось, что там, на дне его глаз, лежит вся их жизнь. Она верила, что она будет не простой, но долгой и счастливой. Девушка не заметила, как задремала. Проснувшись от того, что Булат мягко толкнул её в плечо и сообщил, что они приехали в аэропорт.

Дублин встречал Булата и Марину дождём со снегом. Слякоть была везде, включая душу Марины. Перелёт с пересадкой в Анталии прошёл как в тумане. Даже закупки одежды для походов в турецком торговом центре прошли как-то обыденно и не вызвали удовлетворения и успокоения, как обычно. Наоборот, она опять вспоминала Сашу, и приходилось быстро переключаться на что-то отвлекающее. Поэтому всё осталось в памяти Марины единым мазком от Москвы до Дублина. И вот они стоят перед апартаментом, в котором Саша снимал квартиру. Их встретили, проводили в ту же квартиру. Её коллегам удалось снять также удалённо, как и Саше. Войдя в квартиру Булат первым делом проверил её всю на средства слежения и обнаружил два жучка. После их уничтожения настал черёд Марины. Она стала искать тайник. Саша не мог не припрятать чего-нибудь интересного. Через полчаса она нашла то, что искала, благо их учили в одной школе. В тайнике оказалось несколько бумаг, от руки написанных Сашей, дневник какого-то монаха в кожаном переплёте и камень на шнурке.

Найдя всё это, Марина села на кровать и чуть не расплакалась но, вздохнув, сдержалась. Квартира была двухкомнатная, поэтому Булат разместился в большой комнате на диване, а Марина в спальне. По-быстрому разложив вещи, девушка села изучать записки мужа. В них был список религиозных учреждений, которые он посещал с небольшими пометками-закорючками. Последним был монастырь в пригороде. Но там была стрелка на церковь Святой Марии Ангелов, которая была первой в списке. На самой церкви пометок не было. А вот на монастыре была приписка: «Пустышка». Ничего ценного Марина для себя в этих списках не обнаружила. Время уже было позднее, но спать не хотелось. Булат уже мирно посапывал на диване. Умывшись, она тихо взяла дневник монаха и пошла, читать перед сном. Она медленно перелистыва-

вала страницы, пахнувшие стариной. Они были испещрены строками с чудными завитушками, но читалось легко. Кожаный переплёт отдавал теплом и загадочностью. Откуда у Саши этот дневник, что он в нём нашёл и связано ли это с его таинственным исчезновением? Завтра предстояло начинать поиски.

Богдан очнулся после очередной медицинской процедуры. Голова гудела, но он уже привык. Раздражало то, что его не отпускали домой «в Украину». Уже несколько месяцев он прохлаждается тут под Дублиным после того как его выкупили у русских. После того как его с друзьями захватили в Турции, он провёл всего полтора месяца в Московской тюрьме, а потом состоялось какое-то подобие обмена, и вот он уже в каком-то поместье под Дублиным. Сюда его везли в наглухо закрытом фургоне и переводили исключительно в мешке. Причину такой конспирации он не знал, да ему было и всё равно. Хозяева обещали отпустить его, как только появится возможность. С чем это было связано, ему также не объясняли. Только проводили какие-то медицинские исследования и просили туда-сюда переходить в ускорение и обратно. Порой это не получалось из-за какого-то излучения. Англичане, оказывается, умеют гасить возможности Одарённого. Так проходил день за днём. Богдан уже готов был лезть на стену от скукоты, а ему хотелось развлекаться. Он жалел, что не мог вернуться на родину прямо сейчас, там идёт война, а для него это любимое занятие. Полная свобода, делай что хочешь, насилуй, убивай и тебе за это ничего не будет. Если делать это с умом.

И вот, наконец, ему подкинули игрушку. Какого-то залётного русского Одарённого. Хозяева потребовали каждый день перед процедурами выбивать из того дух, чтобы он не подзревал о медицинских исследованиях, которые над ним проводили, так же как и над Богданом. Бить беззащитного, связанного русского было занимательно. Тем более что это был, как говорили местные врачи, «погашенный» Одарённый. На шее у того был ошейник, который гасил способности. Поэтому какое-то время Богдан развлекался, избивая русского до потери сознания. Но большего ему не разрешали, поскольку хозяевам он зачем-то нужен был здоровым. Ну за исключением синяков. Но это пройдёт. Но и это Богдану вскоре тоже надоело. Он выполнял свои обязанности палача формально и всё чаще старался вырубить паренька как можно быстрее. Вот и сейчас он, отдыхая после предварительной обработки, стоял над этим русаком и разминал костяшки пальцев думая, как бы интересно и быстро его вырубить. Вопросов он как обычно не задавал. И тут русский не выдержал:

– Да что ты хочешь от меня, вражина?! – Задал он вопрос на русском.

Этим сильно взбесил Богдана, в груди которого вскипела успокоившаяся было ненависть к ним. Он вдруг вспомнил всё, чему его учили с детства. И почувствовал, как стало чаще биться сердце, а лицо от злости налилось кровью. В маске палача стало жарко, и он зло выкрикнул также на русском, чтобы тот понял:

– Заткнись, москаль! Мне просто нравится!

И продолжил избивать с новой силой. Сегодня он постарался особенно. «А потому что нечего говорить, когда не спрашивают», – думал он. Русский наконец вырубился, и его забрали мелкие широкоплечие монахи в балахонах, с капюшонами, натянутыми на глаза.

Здесь в поместье, где жил Богдан, всё держалось на этих низкорослых монахах. Пару раз он видел, как они бегают и носят тяжести. Это были какие-то то ли роботы, то ли гоблины. Скорость и сила были запредельными. Но они всегда скрывали лица, а порой даже руки. Те из монахов, кто не скрывал руки, были сильно загорелыми до бронзового оттенка, с какой-то нездоровой сеткой на суставах пальцев. Богдан подумывал, что исследования, в которых он участвует, как-то связаны с их силой и в принципе был бы не прочь стать таким же сильным как эти мелкие монахи. Хотя матушка природа Богдана и так наделила его двухметровым ростом и большой силой. Он был сиротой и не помнил не только своих родителей, но и своего имени. Богданом его стали звать уже в интернате. До семи лет в его памяти был провал. После

окончания школы он попал в армию и там его карьера пошла вверх. Так как он был воспитанником интерната с национальным украинским уклоном, его сразу направили в подразделение националистов. Там в первый раз проявились его способности Одарённого. Использовать эти способности Богдан мог только, когда сильно злился. В батальоне это состояние ему начали вызывать постоянно. Так он ускорился в первый раз.

Уже на следующий день он разговаривал с одним из полевых командиров, который впоследствии забрал его в особое подразделение Одарённых. Там он прошёл обучение и закалку. И, в конце концов посвящение, на котором ему в первый раз довелось убить безоружного человека. Эту девушку он помнил и сейчас. Русая кацапка, которая так боялась, что потеряла дар речи и всё прошло в полном молчании. Он просто свернул ей шею и бросил в заранее выкопанную яму. Никаких угрызений совести Богдан не чувствовал, как и все остальные разы, когда ему приходилось выполнять подобную работу. Для него это были не люди. Просто оболочки, недостойные жизни. Ведь этому его учили с самого детства. Дальше были постоянные командировки в Донбасс, где он покуралесил по полной. Да так, что руководство порекомендовало ему временно покинуть Украину, пока не улягутся страсти по его художествам. Три года он жил в Турции и участвовал в жизни местной украинской диаспоры. Ввод войск русскими он воспринял спокойно. Он был уверен, что когда-нибудь так и произойдёт, не могли они терпеть вечно. Его воевать не звали, а сам он особо и не рвался. В Турции было хорошо и вольготно. Пока его с друзьями не повязали и не доставили в Москву.

И вот он сидит безвылазно в поместье под Дублиным и ежедневно ради развлечения метелит бедного русского. Скучно.

Марина проснулась рано. Ещё не было даже шести утра. Проснулась опять с глазами на мокром месте. Ей снова снился Саша. Сна она не помнила, но было очень горько. Но взяв себя в руки, Марина встала, умылась и начала собираться. Приталенный женский костюм по погоде. Легкая зимняя куртка. Белая шапка и рюкзак с белыми накладками, со спрятанными мечами, составляли её сегодняшний гардероб. Все эти запреты входа в священные места с оружием для неё были не указ. Она искала мужа и не собиралась подчиняться чьим-либо правилам. Во всяком случае пока не найдёт Сашу. Булат поначалу удивлённо наблюдал за её действиями, медленно чистя зубы посередине своей комнаты. А сообразив, что Марина сейчас уйдёт без него, ускорился, и уже через две минуты стоял во всеоружии рядом с девушкой, наблюдая, как она зашнуровывает и завязывает свои высокие чёрные берцы. Закончив со шнуровкой, она встала, попрыгала, проверяя, как всё сидит. Убедившись, что всё нормально, она вздохнула и спросила:

– Погнали?

– С чего начнём? – Решил не тянуть на себя одеяло командир и уточнить план Марины.

– С церкви Святой Марии Ангелов. Саша с неё начал и ей же закончил. – Задумчиво произнесла девушка.

На улице было морозно, с неба падал мелкий снег, который тут же таял на мощёной мостовой. Марина, вдохнув полной грудью, быстро по-боевому выдохнула и двинулась в сторону церкви. Вокруг всё было пасмурным, серым и холодным – чужим. На улицах практически не было людей, хотя было уже около половины седьмого утра. Иногда казалось, что из-за занавесок первых этажей на них кто-то смотрел и прятался, как только они подходили ближе. Прямо как в старых фильмах ужасов. Через десять минут неспешного хода они были уже рядом с церковью. Большое здание в готическом стиле только подчёркивало серое настроение и не предвещало ничего хорошего.

Глава 6.

Двери церкви Святой Марии были закрыты. Рядом на застеклённом стенде Марина нашла расписание служб. Выходило, что до начала утренней службы оставалось двадцать минут. Девушка с интересом стала осматривать здание, отмечая для себя какую-то холодную, чужую красоту. Довольно высокое серое здание с острыми углами, статуями и решётками. У неё оно вызывало больше ощущение кладбища, а не причастности к вере. Справа от церкви нашёлся указатель офиса монастыря ордена капуцинов. Но про него ничего в записках Саши не было, поэтому Марина даже не попыталась открыть затворённые двери в монастырь, куда направлял указатель. Вместо этого она подошла к статуе Христа на кресте, рядом с которым были ещё три статуи. Все выполнены из белого мрамора. Марина отметила для себя отличия от православных изображений Христа. Вдохнув, она подняла голову и размашисто по-православному перекрестилась, и сразу склонила голову, моля о том, чтобы Боженька вернул ей Сашу. Ещё раз вдохнув, она опять перекрестилась и стала внимательнее рассматривать статуи людей стоящих рядом с крестом. И тут из-за спины неожиданно кто-то сказал на сложном для неё английском с акцентом:

– Слева это Дева Мария скорбящая о Христе, справа – Иоанн Богослов ученик Иисуса, а перед крестом на коленях – Мария Магдалина. – Голос говорящего был удивительно спокойным и умиротворяющим.

Марина повернулась и увидела стоящего за перилами на мостовой монаха. Тот по-доброму улыбался и открыто без угрозы смотрел прямо в глаза девушке. Справа от входа в церковь уже подходил на выручку Булат. Марина показала рукой, что всё нормально и спросила:

– А Вы здесь служите? Нам очень надо поговорить с настоятелем. – Марина старалась всем своим видом показать, что её вопрос это вопрос жизни и смерти.

– Вам повезло: я настоятель, отец Брайан Доннели, и у меня есть несколько минут, чтобы пообщаться.

С этими словами он правой рукой придержал полы своего монашеского одеяния, а левой пригласительно показал в сторону входа в церковь. Сам не дожидаясь, двинулся, и выудив из-под рясы большой ключ, открыл дверь. После этого пошёл куда-то вправо, где включил свет. Перед Мариной и Русланом предстала церковь во всей красе. Хотя они ещё стояли в тамбуре, уже виден был масштаб и красота строения. Настоятель поманил за собой и пригласил сесть на ближайшие скамьи.

– Какие вопросы у вас дочь моя? – Спросил он, как только Марина с Булатом уселись.

– Я ищу мужа, он должен был приходить сюда какое-то время назад. – Марина с надеждой посмотрела на святого отца.

– Да я помню того русского. Мы очень мило пообщались о религии, он интересовался нашей верой. – Подтвердил он слова Марины.

Марина засуетилась, сняла рюкзак, а из него достала дневник и камень на верёвке. Показывая эти вещи священнику, она ожидала любой реакции, но только не такой, как увидела. Он замер, а затем с удивлением подрагивающими руками потянулся к дневнику:

– Можно? – С каким-то благоговением спросил он у девушки.

– Да конечно. – Сказала Марина, уже догадываясь, что в руки к ним попал дневник не простого монаха.

Взяв аккуратно в руки дневник, священник с трепетом открыл и улыбнулся, как будто увидел старого знакомого. Но тут же, закрыв с расстроенным видом, осторожно вернул дневник Марине.

– У меня прямо сейчас будет служба, и много об этих вещах я рассказать не смогу. Я вас отведу к людям, которые знают больше меня. Но вам придётся подождать. – Сказал он и вопросительно посмотрел на Марину, а затем на её спутника.

Марина оглянулась. Булат кивнул. И священник, быстро встав и подобрав немного полы своей рясы, посеменил в левую сторону от входа. Они пошли за ним. Там за одной из колонн он открыл небольшую дубовую дверь и поманил их за собой в тёмный мрачный коридор. Пройдя по слабоосвещённому коридору, больше похожему на путь в темницы, они опять упёрлись в небольшую деревянную дверь. Настоятель открыл её и пригласил в помещение с большими деревянными столами и скамьями. Он жестом показал, что девушка со спутником могут присесть на эти скамьи. После этого быстро прошёл в другой конец помещения, а там постучавшись, нырнул в другую дверь. Через некоторое время также быстро он вынырнул и, прикрыв дверь, вернулся к Марине с Булатом.

– Я договорился о вашей встрече с одним из монахов ордена капуцинов, который знает об этих вещах больше меня. Он выйдет к вам после службы. Это через час. А теперь я вынужден покинуть вас. Меня ждут прихожане.

Кивнув, святой отец вышел в дверь, через которую привёл и плотно её закрыл за собой. Марина с Булатом остались одни в ожидании неизвестного собеседника.

Примерно через час из двери вышел мужчина низкого роста, но не лысый, как ожидала Марина. Он был аккуратно коротко подстрижен и носил окладистую, длинную местами седую бороду. Подойдя к девушке, он перекрестился и произнёс:

– Брат Брайан сказал, что у вас есть вещи и вопросы. – И, приветственно показал, вставшим Марине и Булату, что можно сесть за стол.

– Да, у нас есть две вещи, и мы хотели бы узнать, как они могут быть связаны с пропажей моего мужа. – Сказала девушка, передавая дневник и камень монаху.

В отличие от священника тот довольно спокойно и уверенно взял дневник и камень на верёвке. Сначала, прищурившись, он осмотрел камень и, хмыкнув, положил его на стол. Затем он открыл дневник и поднёс его ближе к глазам. Так он, перелистывая, посмотрел несколько страниц и, аккуратно закрыв, положил рядом с камнем. Немного посидев, держа руки на дневнике, он вздохнул и, повернувшись, начал говорить:

– Камень - это талисман, который имеет ценность только для особенных людей. А дневник - это давно утерянная реликвия нашего ордена. Мы готовы пойти на многое, чтобы его вернуть. – И с надеждой посмотрел сначала на Марину, а потом на Руслана Булатовича.

Марина в нерешительности оглянулась на Юсупова и тот ответил:

– Мы готовы передать его вам в дар, если орден поможет нам всем, чем сможет, не утаивая информацию. – И внимательно посмотрел на монаха.

Как бы невзначай дотронувшись до тяжёлых деревянных чёток, закреплённых на белом поясе-верёвке, монах хмыкнул и поманил рукой за собой. Проведя по узким и извилистым коридорам, священнослужитель завёл их в небольшой, но уютный кабинет. Со всех сторон помещение было заставлено полками с книгами, а посередине стоял большой деревянный стол с зелёным сукном. Монах приглашающим жестом указал на большие деревянные стулья, и сам тоже сел за стол.

Мужчина положил перед собой дневник и талисман. Вздохнул и сообщил, что его зовут Ричард О'Хэллоран и что он является провинциальным министром, и властью, данной ему орденом, он готов пойти на условия ради возвращения дневника, написанного рукой их монаха. Но сразу предупредил, что история, которую он расскажет, может оказаться неожиданной и больше похожей на сказку.

Всё началось в далёком 760 году, когда Карл Великий нанял себе в качестве помощника, а впоследствии министра культуры и образования, английского монаха Алкуина из Йорка, слугой которого был невзрачный монах из Ирландии по имени Брендан. Именно его записи легли в основу дневника, который оказался в руках Марины и Булата. Сам по себе дневник не содержит никакой информации и, более того, не является оригиналом, а был более поздней рукописной копией, которую написал существенно позже монах капуцин. Ценен же дневник тем, что является мостиком от тех давних времён к основанию ордена. Именно Брендан сохранил в своих зашифрованных записях, которые впоследствии были утеряны, истинную причину раскола церкви на православную и католическую через триста лет после этого. Причиной стал Алкуин. Именно он заложил основы последующего раскола и множество других деструктивных моментов, позволивших на тот момент рвущимся к вселенской власти королей Каролингов. Удивительно было то, насколько сильно повлияли советы этого монаха на весь мир впоследствии. Крестовые походы, войны за веру и многое другое заложено было именно им.

В своих записях брат Брендан то восхищался, то ужасался знаниями и способностями своего хозяина. То он писал про его удивительные сине-фиолетовые глаза с серыми прожилками, то про внезапные появления из ниоткуда и исчезновения. В этом месте Марина не удивлялась и, многозначительно посмотрев на Булата, спросила:

– Прямо таки исчезновения? – Спросила она у монаха.

– Так писал Брендан. – Коротко ответил брат Ричард.

– Я пролистал весь дневник и там ничего подобного нет. В основном описание религиозных обрядов и жизни в монастыре. – Фотографируя страницы дневника, задумчиво произнёс Руслан Булатович.

– Но там шифр, который братья использовали для тайных записей. – Ответил монах и продолжил свой рассказ.

В конце концов, Брендан сбежал к себе на родину и спрятался в одном из дальних монастырей. До конца жизни он молчал о случившемся и больше не писал свой дневник. И действительно последние страницы в дневнике были пустыми.

Про талисман брат Ричард сказал только, что по преданиям он помогает особым людям скрываться от таких же особых людей. На дополнительные вопросы отвечать отказался, разведя руками, мол, ничего не знает. На этом он показал, что аудиенция окончена. Но прощаясь подтвердил готовность и дальше помогать Марине с Булатом.

Оказавшись на улице, Марина не могла избавиться от ощущения, что её надули и явно рассказали не всё. Но как проверишь? Глубоко вздохнув, она почувствовала, как холодный воздух расширил лёгкие, а на выдохе увидела облачко пара. «Прямо как дома», - подумала девушка и, грустно улыбаясь, стала надевать перчатки. В этот момент с шумом справа открылись двери церкви и начали выходить прихожане после службы. Их было немного и уже через несколько минут, беседуя с какой-то пожилой дамой, на улицу вышел и настоятель. Он ещё недолго поговорил с женщиной и, после того как попрощался с ней, повернулся в сторону Марины и Булата. Увидев их, он улыбнулся и поманил рукой к себе. А когда они подошли, сказал, обращаясь к Марине:

– Вы спрашивали про вашего мужа. Я вспомнил, где я его видел последний раз. Это было в благотворительной столовой при монастыре.

– Спасибо, а как туда пройти? – Решила уточнить девушка.

– Это недалеко, на обратной стороне квартала, в белом здании. Вы не ошибётесь. – Сказал святой отец и, попрощавшись, вернулся в церковь.

Марина посмотрела на Руслана Булатовича с немым вопросом. Тот молча кивнул, и они двинулись искать столовую. Булат всегда был молчалив и редко говорил без дела. Наверное, за это его и ценил Семёнов. Обойдя квартал, как и посоветовал настоятель, среди строений они

действительно нашли старое кирпичное здание, выкрашенное в белый цвет. Вход был открыт и войдя внутрь, Марина со спутником попали в помещение, уставленное столами, за которыми не было людей. Но в другом конце была приоткрыта дверь, из которой в сумраке слабо светил желтоватый свет. Оглядываясь по сторонам, они медленно и осторожно, как будто чувствуя угрозу, подошли к приоткрытой двери. Булат заглянул, поздоровался и попросил разрешения войти. Марина услышала подхриповатый голос и представила древнюю старуху, сидящую в кресле. Окружающая обстановка располагала к такому образу. Но войдя за Булатом в комнату увидела совершенно противоположную картину. За обычным канцелярским столом с небольшой жёлтой лампой сидела немного полноватая негритянка с дредами на голове. Рядом на столе стояла пепельница с недокуренной сигаретой.

Женщина сняла очки, оставив их болтаться на шнурке, и жестом показала на стулья и предложила присесть. Дождавшись, когда гости усядутся, она тем же прокуренным голосом спросила:

– Что привело вас к нам? – И сложила руки на столе в замок, оперевшись на локти всем телом.

– Мы ищем своего друга, который у вас недолго помогал в столовой. – Неожиданно взял на себя инициативу Булат. И показал фотографию Саше в телефоне.

Хозяйка опять надела очки и, отклонившись немного назад, с прищуром посмотрела на изображение в телефоне. После этого, обратно навалившись на свои руки, она поверх очков с прищуром внимательно посмотрела сначала на Руслана а потом на Марину. И медленно и довольно жёстко произнесла:

– Мы не предоставляем информацию ни о людях, просящих помощи, ни тем более о наших волонтерах, даже государственным органам. Почему я должна что-то рассказывать вам двоим? – И, упёршись взглядом в Булата немного выкатив глаза, изображая возмущение, замолчала, ожидая ответа.

– Это мой муж и он пропал! – С надрывом почти сорвавшимся голосом вступила в разговор Марина.

Она быстро достала из кармана куртки телефон и, чувствуя, что к горлу подкатывает предательский комок слёз, стала быстро листать галерею, что-то разыскивая. Наступила гнетущая тишина, только тихо всхлипывала Марина. Все молчали и наблюдали за её торопливыми движениями. Наконец, девушка нашла, что искала, и, смахнув свободной рукой слезу, показала телефон с фотографией, на которой они были с Сашей в свадебных нарядах. Марина, расправив фату, положила голову на плечо Саше, а тот придерживает молодую жену за талию и улыбается во все свои тридцать два зуба, излучая счастье.

Негритянка с неподдельным интересом рассмотрела фотографию и, сменив возмущение на миролюбие, произнесла:

– Вы очень красивая пара. Да, Александр был здесь. Он очень хороший и трудолюбивый человек. Его нам порекомендовал Лиам, наш постоянный нуждающийся.

При этом она скривила брезгливую гримасу. И продолжила:

– Александр очень интересовался орденом капуцинов и Лиам обещал рассказать ему за работу. Для этого через несколько дней он пригласил его в свой любимый паб на другом конце города. – При этих словах она начала что-то писать в блокноте, лежащем перед ней на столе.

Закончив писать, она оторвала листок и протянула Марине, зажав между двумя пальцами левой руки. Марина взяла листок, на нём был адрес паба. Поблагодарив женщину, они попрощались и покинули кабинет, а затем и столовую. Оказавшись на улице, Булат, как заговорщик, тихо предложил прогуляться. Марина поняла, что его что-то насторожило и решила не противиться. Какое-то время они бессистемно бродили по улицам Дублина и делали вид, что гуляют как туристы. Булат изображал галантного кавалера, а Марина – задумчивую недоτροгу. В какой-то момент, проходя мимо тёмной арки Руслан дёрнул Марину за руку, увле-

кая в тень арки, и там поставил её спиной к стене. Сам же правой рукой прикрыл её лицо и немного склонился над её головой, делая вид, что они влюблённая парочка, которая обсуждает отношения. Мимо арки прошёл молодой человек в пальто и в лёгкой шапке. Он скосился на парочку, но как ни в чём не бывало продолжил движение.

– За нами следят. – Тихо подытожил Булат.

Марина выглянула над рукой командира и спросила:

– Что будем делать?

– А ничего. Что-то не чисто с этой столовой. – Задумчиво ответил командир и увлёк девушку из арки за собой, опять на улицу.

Вечерело. Опять начал изредка падать мелкий, как хлебная крошка снег. Мимо, не торопясь, по улочкам, проезжали праворульные машины, и всё это создавало ощущение, полностью противоположное утреннему, – довольно уютного и мирного городка. Ближе к вечеру он как будто оживал. Вокруг начали подсвечиваться окна и витрины пабов. Периодически начали попадаться люди навеселе и раздаваться музыка. Народу на улицах прибавлялось.

Марина не заметила, как через пару часов прогулки они оказались у паба по адресу, указанному на листке. Она достала бумажку из кармана и сверила с адресом на углу здания. Булат, сняв одну из перчаток, уже стоял, поднявшись на ступеньки, у двери паба, собираясь открыть дверь девушке. Пропустив Марину, он вошёл за ней. В пабе былолюдно, звучала музыка и громкие разговоры подвыпивших людей. Но все замолчали, внимательно глядя на новых посетителей. Под звучащую музыку и пристальные взгляды посетителей Булат уверенно двинулся к стойке бара. Где стоял лысый мужик с рыжей, длинной и неухоженной бородой. Из одежды на бармене была только майка, а под ней больше татуировок и волос, чем тела. Марина с командиром явно не соответствовали окружающей обстановке и выглядели здесь как белые вороны.

Но Булат уже стоял возле стойки и пытался сквозь музыку что-то выяснить у бармена. В конце концов, он жестами попросил ручку и что-то написал бармену на салфетке. Тот, прочитав, наклонился через стойку и что-то сказал Руслану на ухо. Кивнув, Булат смял салфетку и, спокойно развернувшись, пошёл к Марине, всё также стоявшей на входе.

– Нам тут не рады. – Ответил он на немой вопрос девушки и показал рукой на выход.

На улице, позволив взять себя под руку, он тихо рассказал, что бармен посоветовал покинуть заведение. А про Лиам обещал рассказать завтра с утра. При этом встряхнул и показал салфетку, на которой было написано только: «Лиам?»

Глава 7.

По дороге к апартаменту Марина обдумывала произошедшее за день и пыталась связать это всё в единую картину. Рассказ монаха, встреча с негритянкой, слежка и, наконец, странное поведение бармена, который не захотел рассказывать про старика Лиаму. Возможно, конечно, набивал себе цену. Но он же мог сразу запросить хорошую плату за информацию и рассказать. Значит, что-то ему мешало это сделать или кто-то. При пересечении одного из небольших перекрёстков девушка почувствовала, что Руслан стал идти немного быстрее, увлекая её за собой. Пройдя перекрёсток, они резко свернули в переулок, и Булат подал знак опасности. С улицы послышался топот бегущих. Марина показала знак ускорения, но командир отрицательно мотнул головой. Значит, был уверен, что они справятся и без этого. Из-за угла выбежали двое молодцов, больше похожих на гопников, чем на бойцов. Увидев стоящих и спокойно смотрящих на них прилично одетых мужчину и женщину, они растерялись и почти остановились. Но тот, что выглядел постарше, подтолкнул напарника, и они пошли в атаку. Всё закончилось довольно быстро. Младший, замахнувшись, напал на Булата. Ну как напал – налетел на прямой удар в кадык от ушедшего с линии атаки и немного присевшего более опытного бойца. Больше угрозы паренёк не представлял. Марина всё это видела краем глаза: старший решил зайти к ней по дуге с левого бока, но был встречен ударом её колена в солнечное сплетение с прыжка. Девушке для этого даже не пришлось ускоряться. Противник не ожидал от хрупкого на вид создания прямого и мощного удара в грудь, поэтому открыто расставив руки для захвата, напоролся на колено. Охнув, он выдохнул весь воздух, что скопил для броска и упал на колени, держась почему-то за горло.

Марина подняла взгляд над стоящим на коленях и увидела, как с улицы, откуда только что прибежали нападавшие, с удивлением смотрел молодой человек. Тот самый, который весь день следил за ней с Булатом. Он какое-то время стоял с открытым от удивления ртом, а затем сообразил, что окончательно раскрыл свою слежку и решил ретироваться. И, быстро развернувшись, побежал куда-то по улице. Девушка хмыкнула, отметив для себя то, что у молодого человека явно нет опыта слежки, так как делал он это очень навязчиво. А также то, что он явно не связан с этими двумя, которые корчились перед ней на мостовой переулочка. Об этих мыслях она поведала командиру. Руслан же, задав пару вопросов старшему, убедился, что это обычные хулиганы, которые хотели «пощипать» заблудшую парочку.

Дальше весь путь прошёл спокойно. На улицах постепенно становилось всё меньше людей. Город плавно отходил ко сну. Перед входом в апартамент Руслан резко остановился и с каким-то удивлением посмотрел на Марину. После этого начал ощупывать свою куртку и проверять карманы. Ничего не обнаружив, он бесцеремонно стал проверять верхнюю одежду Марины. И, дойдя до левого кармана куртки девушки, замер. Осторожно из недр кармана двумя пальцами он достал маленький, чёрный шарик из матового пластика. Подняв на уровень глаз, он, внимательно рассматривая предмет, спросил:

– Давно оно у тебя в кармане лежит?

– Перед пабом я руки в карманах грела. Там было пусто. – Задумавшись, ответила Марина.

– Значит, эти двое не просто так напали. Это метка слежения. Что-то мне этот паб всё меньше начинает нравиться. Завтра пойду один. Ты на прикрытии будешь. – Подытожил командир и убрал маячок к себе в карман.

Рано утром Богдана разбудил один из монахов. Из-под черного капюшона, сверкнув своими изумрудными глазами, на ломаном английском он сообщил, что для пленника и его палача медицинское обследование окончено. «Значит, скоро домой», – подумал боевик, но тут он

ошибался. Тот же монах поведал, что для него есть работа. Мол, в Дублине объявились друзья этого русского и их надо подтолкнуть на активные действия, чтобы привести в определённое место и захватить, как их предшественника. Приезжими кацапами оказались рыжая симпатичная девушка, показавшаяся знакомой, и какой-то мужик среднего возраста. Парочка больше походила на научных работников, чем на Одарённых. Но монах утверждал обратное, и у Богдана не было причин ему не верить. Тем более что, по сути, предлагали довольно весёлую задачу. Надо напугать парочку и привести туда, куда скажут.

Уже через несколько часов он, в сопровождении ещё трёх боевиков, стоял у двери какого-то местного паба и ждал, когда ему откроют. Постучав очередной раз, Богдан сплюнул на мостовую. Его раздражали местные, которые просыпались поздно и никогда никуда не торопились. Ирландцы, одним словом. Дверь, наконец, открылась, и показался сонный бородатый мужик с помятым лицом. Он кутался в одеяло и шурился. Увидев Богдана и его спутников, спросил:

– Чего надо?

– Мы от Тёмного магистра. Ты вчера прислал фотографию русских. – Быстро по-английски произнёс мелкий спутник, напирая так, что ирландцу пришлось пропустить их в паб.

Со слов бармена-хозяина паба, парочке русских он велел прийти после десяти утра. Он пообещал им рассказать о Лиаме. Это был тот слабый Одарённый, которого привезли в поместье вместе с русским. Богдан решил, что тот был настолько старым и слабым, что не заинтересовал монахов. Поэтому просто сидел в камере подвала без дела. Тем временем бармен показал удобные места боевикам в пабе. С них хорошо было видно стойку бара, но от входа и от бара сами места и людей было разглядеть сложно даже днём. Такой тайный угол для уединения. Усевшись за стол, Богдан заказал себе кофе. Бармен собрался было возмутиться. Но, увидев спокойный взгляд боевика с высоты двух метров, и это при том, что сам хозяин паба был немаленького роста, решил не спорить и удалился готовить напиток.

Богдан бросил на стол перчатки, взял тяжелый деревянный стул и развернул к себе. После этого уселся так, чтобы видеть вход. Русские должны были прийти через двадцать или тридцать минут. «Где же я видел эту бабу»? – Не давал покоя себе боевик. Русский пришёл один.

Марина с Русланом поднялись засветло. Оставив жучок в квартире, они, аккуратно ускорившись, покинули апартаменты. Из ускорения вышли в развалинах на другой стороне улицы. У них тут в центре Дублина полный развал. С улицы кажется дом как дом, а внутри ничего нет, кроме разрухи. И так целые кварталы. Оказавшись в реальном времени, наметили план действий и разошлись каждый в свою сторону. Марина через пятнадцать минут была на крыше дома напротив здания паба и аккуратно наблюдала за входом. Мороза сегодня не было и накрапывал мелкий дождь. Солнце только начинало вставать. До времени, которое назначил бармен, оставалось ещё пара часов. Девушка поёжилась от осознания того, что придётся мёрзнуть. По их плану Булат должен был пройти и проверить вчерашний маршрут, и прикинуть варианты отхода. После этого вернуться в квартиру, забрать жучок и к назначенному времени идти в паб.

Марина уже окончательно продрогла, когда возле дверей паба остановилась машина, и из неё вылезли несколько человек в чёрных пальто. Один из них был высокого роста и довольно широк в плечах. Девушка отметила для себя, что такая комплекция не характерна для ирландцев. Тем временем мужчины стали стучать в дверь паба. Минут через пять им открыл заспанный бармен, который вчера назначил встречу Булату. Эти люди прибыли явно по их души. Если это Одаренные, то Булату обязательно понадобится помощь. Поэтому девушка аккуратно отползла от края крыши и стала спускаться. К назначенному сроку она должна была быть возле паба на случай, если события будут развиваться не в их пользу. Девушка перехватила командира на маршруте за один квартал до паба. Сообщила о гостях, ожидающих его, и, как услови-

лись ранее, заняла позицию напротив паба, наблюдая, как Булат подходит к двери, за которой его уже ждали.

Конечно, они рисковали, но командир был уверен, что именно эти люди в баре похитили Сашу. Марина ни на секунду не сомневалась в правоте Руслана, поэтому, когда внутри питейного заведения прозвучал выстрел, она ушла в ускорение и кинулась в паб. На ходу доставая свои композитные мечи, спрятанные в стильном рюкзаке за спиной, она почувствовала, как внутри проснулась какая-то дикая необузданная сила. Эта сила волной накрыла девушку и добавила мощности каждой её клетке. Марина кожей ощущала, как её движет какая-то мощная внутренняя сила. В мыслях стоял образ любимого человека, при этом разум был чист. «Наверное, это любовь», - подумала Марина. Не было ни капли ярости, просто на кончиках её мечей летела смерть. Если бы в тот момент на улице нашёлся хоть один человек, способный перейти в ускорение, он бы наблюдал не бегущую девушку, а летящую валькирию.

Влетев сквозь разбитое в пыль стекло, вместе с осколками девушка увидела в середине паба Булата, которого со спины, обхватив своими большими руками, держал Богдан. «Но как? Его же должны были упечь на пожизненное?», – пронеслось в голове Марины. Тем временем хохол, схватив командира сзади, не давал уйти в ускорение, держа в поле замедления, уравнивая тем самым их поля до нормального течения времени. За стойкой бара стоял вчерашний бармен с дымящимся ружьём в руках. С нескольких сторон на Руслана нападали оставшиеся боевики. Девушка в прыжке пролетела над барной стойкой и, оттолкнувшись ногой от черепа бармена, поменяла направление в сторону схватки. Даже в ускорении было видно, как смялись кости черепа, и голова бармена стала медленно занимать несвойственное физиологии человека положение на плече. Марина тем временем уже всю полосовала мечами соратников Богдана спешивших ему на помощь. Из троих не ушёл никто.

Первым кацапа увидел Богдан. Тот стоял у двери паба и собирался постучать. Боевик кивнул бармену и нырнул за ширму так, чтобы его не было видно входящему. Именно в этот момент Богдан вспомнил, где видел эту рыжую бабу. И этого мужика прямо сейчас входящего в паб. Это были те русские Одаренные, которые повязали его и побратимов после попойки в Турции. Эти гады напали на них, когда он с друзьями уже изрядно набрался, поэтому ни он, и никто из его спутников не смогли оказать хоть сколько-нибудь достойного сопротивления. Он понимал, что это не оправдание, но так было легче принять, что его в схватке победила баба. Но сейчас этот кацап был один, и против Богдана шансов у него не было.

Дождавшись, когда русский подойдёт к стойке и начнёт разговаривать с барменом, Богдан подал сигнал о нападении и, ускорившись, почти схватил сзади за шею, не ожидавшего нападения противника. Но тот был готов и встретил Богдана ускорившись. Русский присел и ударил Богдана в область живота, но неудачно. Чуть выше и попал бы в печень, тогда бы боевику пришлось туго. Дальше они закружились в попытках пробить защиту противника. Окружающие, естественно, не видели их «танец» – всё происходило в ускоренном времени, и для напарников боевика прошло меньше доли секунды. Богдан постепенно стал понимать, что русский сильнее как ускоряющий и его скорость постепенно растёт. Пришлось принимать контрмеры.

Находясь максимально близко к русскому, Богдан сделал резкий до головокружения переход из ускорения в замедление, чем компенсировал ускорение противника и вывел их обоих в реальное время. Сил это отнимало массу, поэтому оба Одарённых уже взмокли от напряжения, но продолжали наносить удары. Тут прозвучал выстрел, и русский дёрнулся. Очевидно, его задело. Боевик воспользовался моментом и, заскочив за спину противника, схватил того в удушающий замок. Трое спутников Богдана были уже близко, когда взорвались стёкла витрин паба, и он почувствовал упёршийся в его шею клинок. На ухо кто-то прошипел:

– Отпусти, тварь! – Очевидно, имея ввиду извивающегося в его руках русского.

Не испытывая судьбу, Богдан расслабил хватку и стал разводить руки. В момент, когда он почувствовал отсутствие сопротивления поля противника, он резко сменил замедление на ускорение и стремительно покинул паб. Он направлялся туда, куда должен был привести этих двоих.

Оценив ситуацию, Марина поняла, что Богдану деваться некуда, и решила взять его живым. Уперев один из мечей в кожу над сонной артерией так, чтобы тот почувствовал, она вышла из ускорения и приказала отпустить Булата. Хохол расслабил хватку и начал разводить-руки, а потом неожиданно исчез в ускорении. Марина, не медля, спросила у Руслана:

– Ты как?

– Нормально! Царапина. Давай за ним. – Коротко буркнул командир.

Перейдя в ускорение парой, Марина и Булат выбежали из разбитого паба и увидели на улице молодого человека, стоящего, как и они, в изменённом времени и показывающего рукой направо. Это был тот же парень, который следил за ними вчера. Но разбираться времени не было. Богдан мог привести их к Саше. Хохол был более слабым ускоряющим, поэтому постепенно девушка с командиром стали его нагонять. Пару раз они теряли противника, но не меняя направления, они улавливали единственное движущееся на такой скорости существо во всём городе, видя издали среди стоящих людей и машин. Так они покинули Дублин и бежали уже где-то на окраинах. Сил при этом теряли много. Впоследствии, это скажется на продолжительности их жизни. Но об этом ни Марина, ни Булат сейчас не думали. Они стремились каждый к своей, но в тоже время к одной цели: Марина – найти мужа, Булат – спасти товарища.

Через час беспрестанного бега они увидели в пятистах метрах остановившегося Богдана. Он согнулся над дорогой и пытался отдышаться, не выходя из ускорения. Булат притормозил и, схватив Марину за руку, увлёк её за ближайшую изгородь. Они еле успели, противник обернулся и вроде бы даже не заметил их. Немного отдышавшись, боевик сначала пошёл, потом перешёл на лёгкий бег. Командир жестом скомандовал начать движение, и они продолжили преследование. Прошло несколько часов личного времени в ускорении. Усталость начинала давать о себе знать, ноги стали тяжёлыми, а движения более вязкими. Возможно, поэтому Богдан наконец вывалился из ускорения и уже в реальном времени пытался отдышаться. Опять оглянувшись и не обнаружив преследователей, он уже спокойно двинулся дальше по просёлочной дороге. Через несколько километров он свернул к небольшому населённому пункту.

Кацапы, как и задумывал Богдан, постоянно висели у него на хвосте, не отрываясь, и пытались не афишировать своё преследование. Каждую его остановку для того, чтобы отдышаться, они прятались, думая, что он их не видит. А ему этого только и надо было. Таким образом, он притуплял их внимание, чтобы в нужный момент улизнуть. В конце концов, он вышел из ускорения и спокойно пошёл. Пункт назначения уже приближался. Это был небольшой городок рядом с поместьем, в котором он провёл последние несколько месяцев, после обмена. Поселение он знал, как свои пять пальцев, поэтому был уверен, что тут он точно сможет оторваться, как только увидит сигнал монахов о том, что они готовы к захвату парочки.

Через некоторое время он оказался на центральной улице города, улицы были пустынные. Погода была сырой, от брусчатки отражались лучи зимнего солнца, на редкость ярко светившего в разрывы между облаками, а лицо обжигал холодный ветер. Богдан, наконец, заметил условный сигнал в одном из окон домов и, резко ускорившись, скрылся в подворотне. Через несколько минут личного времени он вбежал в поместье и, задышав от быстрого бега, ввалился в помещение, где был центр управления. За пультами сидело несколько беспилотчиков. Все были готовы к захвату. Один из беспилотников нёс излучатель стазис-поля, а рядом для верности кружили несколько ударных. Операция началась.

Оказавшись в городке, Булат подал Марине сигнал – быть внимательнее. Улицы, несмотря на день, были подозрительно пусты. Они осторожно двигались за противником, стараясь себя не обнаружить, и не приближаясь. В какой-то момент Богдан исчез. А над их головой появилось навязчивое жужжание, которое ни с чем не спутать.

– Воздух! – Крикнул Булат, и они оба попытались уйти в ускорение.

Но им это не удалось. Марина непонимающе посмотрела на командира, он же подал сигнал двигать за ним. И они побежали.

Уже за следующим поворотом их ждали. Это были монахи в чёрных рясах. В руках у них были мечи такие же, как у Марины. Она достала оба меча и отдала один Булату. И началась гонка на выживание. Монахи оказались невероятно сильны. Прямого столкновения без ускорения или замедления ни Марина, ни Булат одновременно с четырьмя сильными противниками не выдержали бы. Поэтому оставалось только бежать. Периодически противники догоняли их, и начиналась схватка. Затем следующая, потом ещё. Их гоняли по городку, планируя вымотать.

В какой-то момент Марина не выдержала и от безысходности сквозь слёзы закричала:

– Саша!

На удивление это ей придало сил, и она рванула в сторону, чего противники от неё не ожидали. Не разбирая пути, она бежала, перепрыгивая изгороди, запрыгивая и преодолевая какие-то невысокие строения. Булат не отставал. Она слышала его тяжёлое дыхание позади. Наконец, они обогнули какой-то недостроенный двухэтажный дом со строительными лесами и оказались на пустой площадке, а в ста метрах стоял Саша. Марина от неожиданности стала притормаживать. Перехватило дыхание от радости. Булат, похоже, не видел Александра, поэтому, подбежав сзади, подтолкнул Марину, чтобы она ускорила. А девушка уже и сама, максимально разгоняясь, бежала к мужу из последних сил.

Богдан не мог допустить, чтобы эти двое встретились, поэтому он выхватил пульт у одного из беспилотчиков, управлявших ударным дроном, и в остервенении направил птичку прямо в девушку. Но последний момент то ли из-за этого странного излучения, то ли из-за того, что очки управления остались на беспилотчике, птичка ушла в сторону и попала в недостроенное здание. Экран, показывавший камеру беспилотника, погас. А вслед за этим Богдан почувствовал укол в шею. Его сознание погасло, как и экран взорвавшегося ударного дрона.

Лицо Саши. «Господи как он исхудал! Весь в синяках», – думала Марина. Она бежала, а сердце, похоже, бежало впереди. Вот он ещё пятьдесят метров, и она обнимет родного человека.

Но вдруг, треск и темнота.

Глава 8.

Таис умылась и внимательно посмотрела на себя в настенное зеркало. Лицо, смотрящее на неё из зеркала, показалось незнакомым. На неё смотрела какая-то чужая, усталая женщина. Взяв себя в руки, она попросила силы у Великого Круга[3] и вышла из комнаты. Пора работать. Она уверенным пружинистым шагом направилась в сторону серого сектора, чтобы начать очередной обход с бедняг, лишившихся своего сознания. Вот уже два месяца как попала на ферму, но всё никак не может смириться с той ужасной несправедливостью, которая тут творится. Почти каждую ночь она плакала не только из жалости к этим беднягам, лежащим в сером секторе, но и к себе. Ей жалко себя за ту глупость, которую она совершила, и связалась с преступниками. Конечно, она не знала, откуда взялись эти тела, но, по её предположениям, это были в массе своей молодые повстанцы, причём все в разной степени Одарённые. Но один из них был особенный. Во-первых, к нему особое внимание. Таис как опытный медтехник, с высшим медицинским образованием, должна была трижды в день проверять его состояние и снимать показатели. Кроме того, его глаза. Они были золотисто-оранжевыми с розовыми прожилками. Парень был по меркам её родной планеты очень высоким и худощавым. Но, несмотря на свою субтильность, он был красив. Таис пару раз ловила момент, когда этот базовый носитель рефлекторно открывал глаза, и каждый раз это было очень волнующе. Перед ней в камере поддержки как будто лежал молодой бог Круга, и его грудная клетка, развитая, как у мальчика, вздымалась и опускалась, выдавая ровное и спокойное дыхание. Складывалось такое впечатление, что он чего-то ждал.

С каждым днём Таис всё сложнее было заставить себя приходить на проверки базовых носителей в сером секторе. Вот и сейчас она остановилась перед шлюзом, ведущим в помещение с камерами поддержки. Собравшись с мыслями и убедив себя, что плакать нельзя, она глубоко вздохнула и хлопнула ладонью по датчикам открытия. Шлюзовая дверь с лёгким шипением стала отъезжать в сторону. Войдя в помещение, Таис с другой стороны также хлопнула по датчикам, чтобы шлюз закрылся. Это помещение имело особый доступ. На ферме мало кто знал про то, что тут происходит. Она сама чудом попала на эту должность только потому, что когда-то её отец помог Касиму в каких-то его делах. Платили тут существенно больше, чем на всей ферме, но, только попав сюда, Таис поняла почему. Тем временем девушка подошла к оборудованию, стоящему между двумя камерами и стала подкатывать его к оранжевоглазому, чтобы провести проверку.

Подключая кабели в изголовье камеры, Таис показалось, что что-то не так, как было раньше. То ли тело поменяло положение, то ли появились какие-то детали, которых раньше не было, или девушка не замечала. Немного задержавшись у изголовья, она задумчиво посмотрела на лежащего перед ней парня и не нашла ничего, что могло измениться. Всё та же привычная нагота, бледная кожа, короткий ёжик необычно светлых по местным меркам волос на голове, узковатое для Эосца, но красивое лицо, глаза закрыты. Всё вроде нормально. Девушка мотнула головой, как бы сбрасывая наваждение и вернулась к приборам. В какой-то момент он рефлекторно дёрнулся и, глубоко вздохнул, а затем выдохнул. По показателям же ничего похожего не происходило. Таис от удивления и испуга замерла. Такого не могло быть. Дыхание у тел с нулевым сознанием всегда ровное, заполняющее объем лёгких от силы на 50-60 процентов. А тут вздох полной грудью. Не должно быть такого. Возможно, это сбой системы контроля нейронной сети. Но у этого экземпляра вместо обычной системы стоит навороченный биоискин. Может, он чудит? – Всё это молниеносно пронеслось в голове Таис. И она стала опрашивать показатели искина. Всё было в норме. Тогда Таис запросила отчёт искина и причину избыточного забора воздуха телом. Искин ответил не сразу. Как будто обдумывал ответ. В конце концов, на экране появилась сухая отговорка, не объясняющая причину этого вздоха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.